

ВЕЛИКІЕ И УДѢЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

СѢВЕРНОЙ РУСИ ВЪ ТАТАРСКІЙ ПЕРІОДЪ,

съ 1238 по 1505 г.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ И ГЛАВНѢЙШИМЪ ПОСОБІЯМЪ

А. В. Экземплярскаго.

Господа эти и другие князья за то время
жили въ Татаріи, или въ Крымѣ, и были
друзьями Бей-Ахмедъ, а не князьями, потому что
жители, а эти князья не князья.

Дружественно и любезно.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЛАДѢТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМИРСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ УДѢЛОВЪ И
ВЕЛИКІЕ И УДѢЛЬНЫЕ ВЛАДѢТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКІЕ,
ТВЕРСКІЕ И РЯЗАНСКІЕ,

съ одной параллельно-синхронологической и семью родословными таблицами
князей.

Издание графа И. И. Толстаго.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ М. Н. ПР. ОДОБРЕНЪ ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХЪ
БИБЛИОТЕКЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1891.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

VII.

ГАЛИЦКОЕ УДѢЛЬНОЕ КНЯЖЕСТВО.

Галичъ, теперь уѣздный городъ Костромской губерніи, стоитъ на низменномъ юго-восточномъ берегу Галицкаго озера у подножія амфитеатромъ возвышающихся холмовъ⁵⁷²). Въ XIII—XIV ст. онъ былъ центромъ Галицкаго удѣльнаго княжества, имѣвшаго, такъ сказать, самостоятельную династію князей изъ рода Юрія Владиміровича Долгорукаго. Но въ началѣ второй половины XIV ст. Галичъ присоединенъ былъ къ владѣніямъ Московскаго княжества, и съ этого времени до конца существованія своего, какъ удѣльнаго княжества, управлялся князьями изъ рода Ивана Даниловича Калиты, то составляя самостоятельный центръ княжества, то сливаясь съ другимъ какимъ-нибудь княжествомъ удѣльнымъ въ рукахъ одного лица.

О времени основанія Галича до насъ не дошло никакаxъ извѣстій. Произвольныя догадки по этому вопросу, конечно, такъ и остаются догадками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, болѣе или менѣе близкими къ истинѣ.

Обыкновенно тѣ города сѣверо-восточной Руси, время основанія ко-

572) Общія историко-статист. свѣдѣнія, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ошибками, на которыя будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, можно найти въ слѣдующихъ пособіяхъ: а) Военн. стат. обзор. Костр. губ.; б) Списки поселенн. м. Костр. губ.; в) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Костромская губ. Я. Крживоблоцкаго; г) Памятн. кн. Костр. губ. на 1862 г., сост. Костромскимъ губ. стат. комитетомъ (все статьи геогр. и историко-статист. еодержанія); д) Журн. Мин. Вн. Д. 1848 г., т. XXII; е) Город. посел., ч. II; ж) «Очерки исторіи Костромы съ древн. временъ». И. Миловидова. Кострома 1885; другое изданіе вышло въ 1886 г. Эти «Очерки» прежде печатались въ Костр. губ. вѣд. 1884 г., начиная съ № 17 съ дополненіями, которыя закончены въ 1885 г.

торыхъ не извѣстно, съ большими или меньшими натяжками считаютъ основанными Юріемъ Долгорукимъ только потому, что многіе древніе города Ростовско - Суздальской области дѣйствительно основаны этимъ княземъ. Но при этомъ опускается изъ виду то обстоятельство, что послѣдующіе князья также основывали города на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ были уже поселки, явившіеся, всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе свободной колонизаціи того или другаго края славянами еще задолго до Юрія. Основаніе этихъ послѣднихъ городовъ совпадаетъ съ началомъ поработенія Руси татарами, болѣе крупнымъ событіемъ, которое отвлекало вниманіе лѣтописцевъ отъ такихъ сравнительно незначительныхъ явленій, какъ основаніе городовъ изъ какихъ-нибудь поселковъ, тѣмъ болѣе, что эти города, незначительные въ первое время по своему возникновенію, росли медленно и, слѣдовательно, только тогда могли обращать на себя вниманіе лѣтописцевъ, когда съ ними связывалось какое-нибудь болѣе или менѣе видное, крупное событіе.

Съ вопросомъ о времени основанія Галича связываютъ вопросъ о его, такъ сказать, національности по происхожденію, слѣдовательно о финскомъ или славянскомъ его названіи. Что Костромская область, въ которой явственно обозначился Галичъ въ XIII в., въ сѣдую старину была населена финскимъ народомъ и именно Мерей, въ этомъ, кажется, никто не сомнѣвается; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изслѣдователи старины стараются доказать это болѣе осязательно, чѣмъ географія начальной лѣтописи, и дѣлаютъ по этому случаю болѣе или менѣе остроумныя заключенія и сопоставленія, которыя, однако, только таковыми пока и должны, кажется, оставаться.

Протоіерей Діевъ, извѣстный въ мѣстной ярославской литературѣ не очень крупными статьями по исторіи и археологіи, разрѣшая вопросъ о томъ, какой народъ въ древнія времена населялъ костромскую сторону, приходитъ къ тому выводу, что послѣднюю населяла Меря⁵⁷³). Но къ тому же выводу, имѣя въ виду даже одну только этнографію начальной лѣтописи, приходятъ и другія лица, касавшіеся того же вопроса. Впрочемъ, о. Діевъ необыкновеннымъ сравнительно съ другими рѣшеніемъ этого вопроса, хочеть, кажется, устранить нѣкоторые факты, подрывающіе мерянское происхожденіе Галича. Распространенное мнѣніе объ основаніи и неизвѣстныхъ намъ по происхожденію городовъ сѣверо-восточной Руси

573) См. его статью въ «Чтен. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1865, кн. 4: «Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ?» Эта статья прежде была напечатана въ Костр. губ. вѣд. 1861 г., № 48—49. См. также въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1845 г., V, ст. «Чудь и Русь», гдѣ высказываются весьма здоровыя мысли о колонизаціи Русью финскихъ земель.

Юріемъ, который давалъ имъ названія городовъ любимой имъ южной Руси, само собою указывало на то, что и костромскій Галичъ получилъ свое названіе отъ Галича южнаго. Но послѣдователи мнѣнія о мерянскомъ происхожденіи Галича должны рѣшить въ свою пользу еще другой вопросъ, чтобы остаться при своемъ мнѣніи: если названіе костромскаго Галича — финское, то какого же происхожденія названіе южнаго Галича, несомнѣнно старѣйшаго, чѣмъ Галичъ костромскій?

Не сомнѣваясь въ томъ, что Геродотъ, за пять вѣковъ до Р. Хр. проживая въ Ольвіи, могъ точно разузнать, какіе народы обитали къ сѣверу отъ Эвксинскаго понта, прот. Діевъ въ сказаніяхъ отца исторіи находитъ разрѣшеніе поставленнаго вопроса. Геродотъ говоритъ, что за сто лѣтъ до похода Дарія на Скивовъ, слѣдовательно около половины VI ст. до Р. Хр., народъ Невры, жившій въ верховьяхъ Днѣстра по направленію къ Днѣпру, отъ множества змѣй, оставилъ свои жилища и соединился за Дономъ съ Будинами⁵⁷⁴). Татищевъ, неизвѣстно на чемъ основывался, утверждаетъ, что во время Даріева похода Невры съ Меланхленами и Антропофагами отъ рѣкъ Дона ушли далѣе на сѣверъ⁵⁷⁵). Указавши на эти извѣстія, о. Діевъ говоритъ: «Что народъ Меря то же, что и Невры, въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что Ростовское озеро называется (называвшееся?) Меря, отъ народа сего имени, называлось и Неро; городъ Нерехта, въ старину Нерохтъ, получившій наименованіе отъ Мери, въ простонародіи доселѣ называется Мерехтою». Такимъ образомъ одноплеменностью Мери и Невровъ о. Діевъ объясняетъ одноименность обоихъ Галичей, т. е. тому и другому городу, по его мнѣнію, имя дано однимъ и тѣмъ же народомъ. Не говоря уже о томъ, что слово Галичъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, по чему нельзя было бы признать его славянскимъ, трудно себѣ представить, чтобы Невры, находившіеся въ состояніи полубродячаго народа, могли оставить по себѣ прочныя названія извѣстныхъ мѣстъ и урочищъ. Самый вопросъ о Геродотовыхъ южно-русскихъ народахъ еще не настолько выясненъ, чтобы изъ неопредѣленнаго и не извѣстно откуда взятаго Татищевымъ извѣстія о движеніи Невровъ отъ Дона къ сѣверу заключать о тождествѣ Невровъ и Мери, опираясь только на случайное, можетъ быть, сходство, въ измѣненномъ видѣ, словъ: Невры, Неро, Меря, Нерехта, Нерохтъ, Мерехта. Но желая еще болѣе доказать мерянское происхожденіе Галича, указываютъ на существующее и теперь въ Нерехтѣ какое-то таинственное элтонское нарѣчіе (*элтъинъ* этого нарѣчія — безмѣнъ; значитъ, элтонскій

574) Кеппелъ: Древности сѣв. Понта.

575) Тат. I, 97.

языкъ—языкъ безмѣнниковъ), какъ остатокъ мерянскаго языка,— кажется, то же нарѣчіе, которое другіе называютъ эмманскимъ⁵⁷⁶). Гр. Уваровъ говоритъ, что этому галицкому языку многіе города Костромской стороны одолжены своимъ названіемъ. На элтонскомъ нарѣчій *галъ* значитъ *многочудный*, и вотъ готово происхожденіе названія Галича: Галичъ означаетъ «многочудный городъ». Но почему же нельзя тутъ видѣть случайнаго сходства? Навѣрное во многихъ, нисколько не родственныхъ съ финскимъ, языкахъ найдутся слова, сходныя съ словомъ Галичъ хоть одной своей частью, которую можно принимать за корень слова. Въ Испаніи есть провинція Галиція, въ Малой Азіи—рѣка Галисъ (нынѣ Кизиль-Ирмакъ); сюда же можно присоединить и Галилею Палестины; можетъ быть и въ Африкѣ у какого-нибудь народца, наприм. у Кафровъ, найдутся подобныя же слова. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были искать происхожденія названія Галича гдѣ-нибудь въ Испаніи или Африкѣ: въ противномъ случаѣ мы рискуемъ впасть въ филологическое «чаромутіе» Лукашевича и Вельтмана. Повторяемъ, въ словѣ *Галичъ* нѣтъ ни одного элемента, не позволяющаго считать его за чисто славянское слово, какъ и всѣ другія прилагательныя слова на *ичъ*. (Отчего, напримѣръ, не производитъ *Галичъ* отъ *галка*, прилагат.—*галчій*, въ краткой формѣ *галчъ*?).

Галичъ скорѣе всего можно считать такой же славянскою колоніей среди Мери, какъ Ростовъ. Еще не называясь, можетъ быть, Галичемъ, эта колонія существовала еще до Юрія, даже, можетъ быть, до призванія князей. Мы видимъ, что Меря наравнѣ со славянами (т. е. новгородцами) и кривичами платитъ дань варягамъ; вмѣстѣ съ ними же и чудью возстаютъ на тѣхъ же варяговъ и изгоняетъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣми же, опять, славянами, кривичами, чудью и др., участвуетъ, въ 907 г., въ походѣ Олега на грековъ. Но вездѣ она выставляется какъ народъ отдѣльный, отличный отъ славянскаго, хотя и находящейся подъ рукою великаго князя, но управляющійся самостоятельно⁵⁷⁷). Послѣ же 907 года мы уже не встрѣчаемъ отдѣльныхъ извѣстій о народѣ Мери. Можетъ быть, это обстоятельство подало поводъ нѣкоторымъ утверждать, что Меря куда-то ушла, а Ходаковскій даже думаетъ, что Меря — славянское племя⁵⁷⁸). Но всего вѣроятнѣе

576) Энцикл. лексик. Паюшара, т. XIII, 175, гдѣ, впрочемъ, не указано, почему это нарѣчіе называется эмманскимъ. По-эммански Галичъ называется *Галивогъ*. Объ элтонскомъ нарѣчій говорятъ: о. Діевъ, въ помянутой статьѣ его, и гр. Уваровъ въ своей книгѣ: «Меряне и ихъ бытъ по курганн. раскопкамъ». М. 1872.

577) П. С. Р. Л. I, 12; V, 88—89, 93; Соф. Врем. Строева, I, 12; Времени. Имп. Общ. Ист. и Древ. IX, отд. 2, стр. 5; Архангелог. лѣт. 3.

578) Русск. истор. сборн., изд. Общ. Ист. и Древн. Росс. т. I, кн. 1, стр. 103.

будетъ признать, что Меря, въ продолженіе длиннаго періода сожительства съ славянскими колонистами, смѣшалась съ ними и ославилась, и въ такомъ случаѣ надобно признать, что славянское поселеніе, которое впоследствии стало извѣстно подъ именемъ Галича, появилось еще задолго до призванія князей.

Сколько извѣстно, въ первый разъ мы встрѣчаемъ Галичъ въ лѣтописяхъ подъ **1238** годомъ⁵⁷⁹), гдѣ говорится, что татары, по взятіи Владиміра, раздѣлились на отряды, изъ которыхъ одни пошли къ Ростову, другіе — къ Ярославлю, третьи — къ Городцу на Волгѣ, и все по Волгѣ поплѣнили «даже и до Галича Мерскаго». Совершенно невѣрно, слѣдовательно, нѣкоторые положительно заявляютъ, что этотъ Галичъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1208** г.⁵⁸⁰), подъ которымъ дѣйствительно находимъ Галичъ, но южный. Равнымъ образомъ совершенно безъ всякаго основанія нѣкоторые (наприм. Крживоблоцкій) утверждаютъ, что Константинъ Всеволодовичъ далъ въ удѣлъ старшему сыну своему Васильку Ростовъ и Кострому, а Дмитрію - Владиміру — Угличъ и Галичъ. Мы знаемъ источникъ этой ошибки. Въ лѣтописяхъ сказано подъ **1207** г., что Всеволодъ далъ старшему сыну своему Константину Ростовъ съ другими пятью городами, которые ни въ одной изъ лѣтописей не поименованы⁵⁸¹). Остроумные историки рѣшили (не разыскиваемъ, кто первый, хотя этого и можно добиться), что въ числѣ этихъ пяти городовъ были Кострома и Галичъ. Съ легкой руки перваго, выдавшаго свою личную догадку въ положительной формѣ за несомнѣнный фактъ, стали считать и послѣдующіе историки (не крупные) Кострому и Галичъ въ числѣ городовъ, данныхъ въ удѣлъ Константину.

Вновь явившійся недавно историкъ Костромы⁵⁸²), не довольствуясь простымъ указаніемъ на ошибку своихъ предшественниковъ, доказываемую фактической исторіей Галича и Костромы, доказываетъ принадлежность названныхъ городовъ — до образованія изъ нихъ удѣльныхъ княжествъ — къ великому княжеству Владимірскому, указаніемъ, между прочимъ, на то, что Константинъ Всеволодовичъ не могъ распоряжаться тѣми городами, которые принадлежали ему, какъ великому князю, что онъ могъ дѣлить между своими сыновьями только свой удѣлъ. Но когда и кѣмъ установлено правило, что извѣстные города должны считаться принадлежностью Вели-

579) П. С. Р. Л. I, 198, 223 («и до Галича Володимерскаго»), VII, 141; XV, 369.

580) Щекатовъ, II, 10.

581) См. 63 прим. и соотвѣтственное мѣсто въ главѣ о князьяхъ Костромскихъ.

582) Миловидовъ: «Очеркъ исторіи Костромы».

каго княжества, а не личности великаго князя? Почему же Ярославъ Всеволодовичъ, будучи великимъ княземъ, могъ распорядиться Галичемъ, а Константинъ, будучи таковымъ же, не могъ? Очевидно, принадлежность тѣхъ или другихъ городовъ къ великому княжеству обуславливалась удовлетвореніемъ всѣхъ членовъ княжескаго рода надѣлами. Въ этомъ случаѣ извѣстный великій князь могъ свободно распоряжаться тѣми городами, которые принадлежали къ великому княжеству: могъ назначать эти города въ удѣлы вновь народившимся сыновьямъ своимъ; могъ изъ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктовъ образовывать города съ тѣмъ, чтобы составить удѣлъ для новаго члена своей семьи. Такъ поступали и позднѣе даже удѣльные князья. Такимъ путемъ явился, напримѣръ, Малоярославецъ; такимъ же путемъ, надобно думать, появились и Кострома съ Галичемъ, на что указываетъ въ своемъ «Очеркѣ исторіи Костромы» и самъ г. Миловидовъ. Напрасно, намъ кажется, выставляетъ г. Миловидовъ еще за аргументъ принадлежности Галича великому княжеству, а не Ростову, по нашему мнѣнію, ошибку Троицкой лѣтописи (а не Воскресенской, какъ онъ говоритъ). Въ этой лѣтописи ⁵⁸³⁾ подь 1238 г. говорится, что татары, по взятіи Владиміра, разными путями пошли къ сѣверу и все опустошили по Волгѣ «и до Галича Володимерскаго». Намъ сдается, что составитель этой лѣтописи замѣной слова «мерьскаго» другихъ лѣтописей словомъ «Володимерскаго» нисколько не хотѣлъ, какъ думаетъ г. Миловидовъ, болѣе точно и опредѣленно указать на принадлежность Галича Владиміру, а, можетъ быть, не желая того, обнаружилъ этимъ только нѣкоторое свое невѣжество: забывъ о нѣкогда составлявшей отдѣльный народецъ Мери, по которой болѣе старые составители лѣтописныхъ сводовъ называли костромскій Галичъ *мерьскими* въ отличіе отъ Червенскаго, Троицкій лѣтописецъ считаетъ, очевидно, слово «мерьскій» бессмысленнымъ, концомъ слова «Володимерскій». Сообразно съ такимъ личнымъ пониманіемъ дѣла онъ и позволилъ себѣ сдѣлать поправку.

Повторяемъ: принадлежность Галича и Костромы, до образованія изъ нихъ удѣловъ, къ великому княжеству доказывается исторіей какъ этихъ городовъ, такъ и тѣхъ, которые ясно обозначились, какъ принадлежащія къ Ростовскому удѣлу, при первыхъ князьяхъ Ростовской области, вскорѣ послѣ нашествія Батыя.

Ошибочное предположеніе, принятое за несомнѣнный фактъ, что въ числѣ пяти городовъ, приданныхъ Всеволодомъ къ удѣлу старшаго его

583) П. С. Р. Л. I, 223.

сына Константина, къ Ростову, были Кострома и Галичъ, породило, естественно, другую ошибку, касающуюся начала Галицкаго княжества и ряда галицкихъ князей. Тѣ, которые приняли помянутую ошибку за положительный фактъ, по необходимости должны начинать рядъ галицкихъ князей съ Константина Всеволодовича, котораго они считаютъ первымъ галицкимъ княземъ; затѣмъ послѣдовательно идутъ: Василько и братъ его Дмитрій-Владиміръ Константиновичи; четвертымъ галицкимъ княземъ считаютъ Василя *Квашню*, названнаго великимъ⁵⁸⁴). По нѣкоторымъ преданіямъ, этотъ Василій былъ сынъ какого-то Юрія Ярославича; въ 1241 г. (годъ рожденія Василя Ярославича костромскаго) этотъ Василій, въ двухъ верстахъ отъ Костромы, разбилъ татаръ около небольшого озера, которое, по этому случаю, названо *Святымъ*. Эга побѣда приписывается Феодоровской иконѣ Богоматери, явившейся передъ тѣмъ Василю Юрьевичу⁵⁸⁵). Все это — прозваніе Василя *Квашней* и явленіе ему иконы Богоматери — приписывается, по другимъ сказаніямъ, Василю Ярославичу костромскому: преданіе, естественно, могло перепутать и хронологію и генеалогію князя⁵⁸⁶). Такими преданіями пользовались мѣстные лѣтописцы, изъ-подъ пера которыхъ, съ прибавленіемъ ихъ собственныхъ измышленій, выходили такія произведенія, какъ «Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, что у Соли», который, за время занятія Галицкаго княжества дѣтьми и внуками Константина Ярославича, перечисляетъ такихъ галицкихъ князей, какихъ, кромѣ этого «Лѣтописца» и ему подобныхъ произведеній, мы нигдѣ не находимъ.

Изъ несомнѣнныхъ источниковъ мы знаемъ, что Галицкое княжество образовалось въ самомъ концѣ первой половины XIII ст. и что рядъ галицкихъ князей начинается Константиномъ Ярославичемъ.

584) Крживоблодкій: Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Костромская губ.»; Энцикл. лексик. Плюшара, XIII, 175.

585) Карамз. IV, пр. 38.

586) Миловидовъ: «Очеркъ исторіи Костромы», стр. 54 и слѣд. по изд. 1886 г. Авторъ указываетъ на повѣсть о явленіи Феодоровской иконы Божіей Матери и ссылается, при этомъ, на «Истор. опис. Костромскаго Успенск. собора», свящ. Островскаго. Къ сожалѣнію, г. Миловидовъ не сопоставляетъ этой повѣсти съ тѣмъ преданіемъ, на которое указываетъ Карамзинъ.

А. Галицкіе владѣтельные князья изъ рода великаго князя Ярослава Всеволодовича.

Константинъ Ярославичъ.

1238 † 1255.

Въ лѣтописяхъ мы не находимъ точныхъ и опредѣленныхъ указаній на время полученія Константиномъ Галича въ удѣлъ. Нѣкоторые, основываясь на оглавленіяхъ и статьяхъ, помѣщенныхъ передъ лѣтописью по Воскресенскому списку, относятъ образованіе Суздальскаго, Галицкаго, Тверскаго и Костромскаго княжествъ къ **1246** г., когда еще живъ былъ Ярославъ Всеволодовичъ⁵⁸⁷), потому что тамъ дѣти Ярослава названы: Андрей—кн. суздальскимъ, Константинъ—галицкимъ и пр. Но въ Никоновской лѣтописи⁵⁸⁸) еще подъ **1238** г. въ перечнѣ князей, спасшихся отъ меча татарскаго, Андрей названъ суздальскимъ, Ярославъ тверскимъ, и, кромѣ того, въ этомъ же перечнѣ упоминается Василій Ярославичъ, родившійся въ **1241** г. Что же это значитъ? только то, что составитель лѣтописнаго свода, жившій много позднѣе описываемаго имъ событія, на которое онъ смотрѣлъ уже глазами историка, а не современника, — составитель, въ головѣ котораго съ понятіемъ объ Андрѣ и Ярославѣ Ярославичахъ соединялось понятіе о князьяхъ суздальскомъ и тверскомъ, каковыми они и были, и называетъ ихъ таковыми даже ранѣе того времени, съ котораго они получили удѣлы, или, такъ сказать, переднимъ числомъ.

Напротивъ, есть основаніе думать, что дѣти Ярослава Всеволодовича получили удѣлы уже по смерти отца, при братѣ и преемникѣ послѣдняго, Святославѣ Всеволодовичѣ. Въ лѣтописяхъ мы находимъ такое извѣстіе: «Того же лѣта (6755) Святославъ князь, сынъ Всеволожь, сѣде въ Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отецъ урядилъ Ярославъ»⁵⁸⁹).

Такимъ образомъ, по этому извѣстію, назначеніемъ удѣловъ для своихъ сыновей распорядился еще самъ Ярославъ Всеволодовичъ, а въ испол-

587) Миловидовъ, стр. 53.

588) Никон. III, 3.

589) П. С. Р. Л. I, 201; VII, 156; въ Никон. III, 27: «а братаничи свои: князя Александра Ярославича, и князя Андрея и Константина, и Афонасия, и Данила, и Михаила, и Ярослава, и Василя посажа по городомъ, якоже уряди братъ его, князь великіи Ярославъ Всеволодичъ, онъ же не премени слова его».

неніе приведено это распоряженіе уже братомъ его, Святославомъ. Такъ какъ Святославъ сидѣлъ на Владимірскомъ велико-княжескомъ столѣ только одинъ годъ, то отсюда надобно заключить, что Ярославичи получили отъ него удѣлы въ **1247** г. (Ярославъ скончался 30-го сентября **1246** г.).

Какъ о Константинѣ Ярославичѣ, такъ и о потомкахъ его, въ лѣтописяхъ весьма мало находимъ извѣстій. Въ первый разъ Константинъ упоминается подъ **1238** г. въ перечнѣ князей, спасшихся отъ меча Батыея⁵⁹⁰).

Въ **1243** г. Батый потребовалъ къ себѣ великаго князя. Отъѣзжая въ орду, Ярославъ Всеволодовичъ послалъ Константина въ Великую Татарию, на берега Амура, къ великому хану Октаю. Онъ возвратился оттуда уже въ **1245** году⁵⁹¹). Въ его отсутствіе умерла его мать, въ **1244** г.⁵⁹²), а спустя года два вмѣстѣ съ дядей Святославомъ и братьями Константинъ оплакалъ и отца, умершаго 30-го сентября **1246** г. на обратномъ пути изъ орды⁵⁹³).

Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ еще только годъ смерти Константина Ярославича: онъ умеръ весной **1255** г.⁵⁹⁴).

До насъ не дошло извѣстій о томъ, на комъ женатъ былъ Константинъ Ярославичъ; знаемъ только, что у него было два сына: Давидъ и Василій⁵⁹⁵).

Изъ краткаго обзора княженія Константина Ярославича не видно,

590) Ibid. I, 200 (подъ 1239 г.), 225; VII, 143; XV, 373; Никон. III, 3. По соображеніямъ о времени жизни и первоначальнаго упоминанія въ лѣтописяхъ старшихъ братьевъ Константина и слѣдовавшихъ за нимъ, надобно полагать, что онъ родился ранѣе 1230 года.

591) Ibid. I, 201, 225; III, 54 (подъ 1242 г.); V, 181; VII, 152; XV 385 (Ярославъ позванъ въ орду въ 1242 г.; Константинъ возвратился въ 1245 г.); Никон. III, 18.

592) Ibid. III, 54; V, 182; VII, 152; XV, 385; Никон. III, 18.

593) Ibid. I, 201, 226; V, 186; VII, 152, 156; XV, 386, 393, 400; Ник. III, 26.

594) Ibid. I, 203 подъ 1255 годомъ: «По Велицѣ дни порожище недѣли преставися Константинъ, сынъ великаго князя Ярослава». (Въ 1255 г. Пасха была 18 марта), 226; VII, 160 (подъ 1254 годомъ); XV, 398 подъ 1254 годомъ: «Преставися Константинъ Ярославичъ галицкій и положенъ въ церкви святыя Богородица» (во Владимірѣ). Годы здѣсь въ Тверской лѣт. перепутаны, что зависѣло, конечно, отъ неискускаго пользованія составителемъ свода бывшими у него подъ руками источниками. Ниже, на стр. 400, подъ 1255 годомъ говорится: «Преставися Константинъ Ярославичъ.» Никон. подъ 1255 г. смѣшиваетъ этого Константина съ другимъ лицомъ; она говоритъ: «преставися князь Константинъ Угледкии, сынъ Ярославль, внукъ Всеволожъ... и понесоша тѣло его в Володимеръ, и срѣте его братъ его, князь Александръ Ярославичъ» и пр. Очевидно, здѣсь разумѣется Константинъ галицкій. — У Карпини находимъ извѣстіе, что какой-то сынъ Ярослава вм. съ какимъ-то княземъ яскимъ находился въ неволѣ у хана, что Батый чрезъ сына Ярославова, опять неизвѣстно какого, объявилъ Михаилу черниговскому († 1246 сент. 20-го, а Ярославъ сент. 30-го того же года) смерть, въ случаѣ его неповиновенія ханскимъ приказаніямъ. Карамзинъ говоритъ, что неизвѣстно, о какомъ сынѣ Ярослава упоминаетъ здѣсь Карпини, а Строевъ все это, совершенно произвольно, относитъ къ Константину. Карамз. IV, 37, 42, пр. 66.

595) См. прим. 601.

какъ великъ былъ его удѣлъ. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что Галицкій удѣлъ заключалъ въ себѣ всю территорію теперешней Костромской губерніи ⁵⁹⁶), но полагаютъ, конечно, потому, что забываютъ объ одновременномъ (приблизительно) существованіи на этой территоріи Костромскаго удѣла. Мы нигдѣ не находимъ извѣстій о томъ, чтобы галицкіе князья первой династіи входили въ столкновенія съ другими князьями изъ-за территоріальныхъ приобрѣтеній, заключали договоры и т. п., по чему можно было бы, хотя приблизительно, опредѣлить объемъ Галицкаго княжества. Но на основаніи нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, касающихся князей галицкихъ, заключаемъ, что галицкіе князья владѣли кромѣ Галича еще Дмитровомъ. Когда и по какому случаю вошелъ Дмитровъ въ составъ Галицкаго княжества: одновременно ли съ полученіемъ Константиномъ Галича, или въ послѣдующее время до **1255** г., или, наконецъ, при Давидѣ Константиновичѣ, — мы не знаемъ, такъ какъ никакихъ извѣстій объ этомъ до насъ не дошло. Но что Дмитровъ вошелъ въ составъ Галицкаго княжества не позднѣе, какъ при первомъ преемникѣ Константина Ярославича, это видно изъ того, что Давидъ Константиновичъ называется въ лѣтописяхъ уже княземъ галицкимъ и дмитровскимъ ⁵⁹⁷). Изъ дальнѣйшей исторіи князей галицкихъ мы увидимъ, что одинъ изъ потомковъ Константина даже умираетъ въ Дмитровѣ.

Давидъ Константиновичъ.

1255 † 1280.

Лѣтописныхъ извѣстій о Давидѣ Константиновичѣ дошло до насъ еще менѣе, чѣмъ объ его отцѣ. Всѣ наши свѣдѣнія о немъ ограничиваются слѣдующимъ: въ іюлѣ **1278** года онъ праздновалъ въ Ярославлѣ, вмѣстѣ съ другими князьями и своими боярами, свадьбу сына Глѣба Васильковича, тогда князя ростовскаго, Михаила Глѣбовича, недавно возвратившагося изъ орды отъ Менгу-Тимура, съ которымъ онъ ходилъ на ясовъ ⁵⁹⁸).

596) Такъ думаетъ П. Н. Петровъ. См. его «Ист. родовъ русск. дворянства», I, 136.

597) Никон. III, 65; П. С. Р. Л. VII, 174. С. М. Соловьевъ (III, 290), однако, положительно говоритъ, что Константинъ получилъ Галичъ и Дмитровъ.

598) Никон. III, 65. Михаилъ Глѣбовичъ женился на младшей дочери Федора Ростиславича ярославскаго, и, такимъ образомъ, приходился своякомъ Давиду Константиновичу, за которымъ была старшая дочь Федора.

Давидъ Константиновичъ скончался весной 1280 года⁵⁹⁹). Отъ брака съ неизвѣстной намъ по имени дочерью (старшей) Ѳедора Ростиславича Чернаго онъ имѣлъ, по одиѣмъ родословнымъ, сына Ивана, по другимъ — Ивана и Ѳедора; по нѣкоторымъ соображеніямъ его же сыномъ надобно считать упоминаемаго въ лѣтописяхъ кн. дмитровскаго Бориса, о которомъ рѣчь впереди⁶⁰⁰).

Василій Константиновичъ.

1255—1310.

Этотъ князь, только однажды упоминаемый въ лѣтописяхъ, по случаю рожденія у него въ 1310 г. сына Ѳедора, весьма опредѣленно называется внукомъ Ярослава и княземъ галицкимъ, а потому совершенно неосновательно, намъ кажется, его смѣшиваютъ съ его соименникомъ, Василюмъ Константиновичемъ, кн. ростовскимъ, сыномъ Константина Борисовича.

Какъ уже видно изъ сказаннаго сейчасъ, Василій Константиновичъ имѣлъ сына Ѳедора⁶⁰¹).

599) П. С. Р. Л. VII, 174: «Преставися князь Давыдъ Костянтиновичъ, внукъ Ярославъ, Галичскій и Дмитровскій, апрѣля, въ понедѣльникъ 2 недѣли по Пасцѣ». Въ одномъ изъ вариантовъ слова «недѣли» нѣтъ).

600) Въ Никон. III, 65 онъ названъ зятемъ Ѳедора Ростиславича. Жена его не упоминается въ числѣ свадебныхъ гостей, можетъ быть, потому, что ея уже не было въ живыхъ См. слѣдующее прим.

601) У Константина Ярославича *несомнѣнно* былъ сынъ Давидъ, извѣстный намъ по лѣтописямъ. Нѣкоторое сомнѣніе является относительно Василія Константиновича. Въ родословныхъ его нѣтъ, но мы находимъ его въ лѣтописяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ онъ смѣшивается, впрочемъ, съ одноименнымъ княземъ ростовскимъ, но это смѣшеніе, по тщательномъ его разсмотрѣніи, не должно возбуждать сомнѣній, по крайней мѣрѣ, такихъ, какія возбуждаетъ «Указатель къ 8 томамъ П. С. Р. Л.», который всѣ извѣстія о Василіи Константиновичѣ вообще нанизываетъ, такъ сказать, на одного только Василія Константиновича *ростовскаго*, внука Бориса Васильковича. Но

а) Новгородская 4-я лѣт. (т. IV, 47) и Софійская 1-я (т. V, 205), подъ 1310 годомъ, называютъ Василія Константиновича княземъ *галицкимъ*, отмѣчая рожденіе у него сына Ѳедора;

б) въ Воскресенской лѣтоп. (т. VII, 185) весьма точно указывается восходящее родство Василія Константиновича подъ тѣмъ же 1310 годомъ: «Родися великому князю (какъ извѣстно, удѣльные князья, сидѣвшіе на главномъ столѣ удѣла, часто называются въ лѣто-

Иванъ Давидовичъ.

Половина XIII в.

Этого князя мы знаемъ только по нѣкоторымъ родословнымъ. Не зна-

писяхъ великими, вѣроятно, по отношенію къ болѣе мелкимъ князьямъ того же удѣла) Василю Константиновичу, внуку Ярославлю галицкому, сынъ Феодоръ». Прилагать этихъ извѣстій (Новгор. и Соф. лѣтописей), не доказавши ихъ ошибочности, къ Василю Константиновичу ростовскому, какъ то дѣлаетъ «Указатель», нѣтъ никакихъ основаній. У Константина Ярославича, слѣдовательно, было два сына: Давидъ и Василій;

в) въ Никон. лѣт. о Василю Константиновичѣ — галицкомъ или ростовскомъ — говорится подъ слѣдующими годами: «того же лѣта (1291 г.) родися у великаго князя Костянтина Василковича ростовскаго сынъ Василей» (т. III, стр. 89); подъ 1309 годомъ: «того же лѣта преставися кн. Костянтинъ Борисовичъ ростовскій, внуку Василковъ... И сяде по немъ сынъ его кн. Василей» (ibid. стр. 105). Въ обоихъ мѣстахъ говорится, очевидно, о Константиинѣ и Василю ростовскихъ; только въ первомъ мѣстѣ Константиинъ ошибочно названъ не *Борисовичемъ*, а *Василковичемъ*. Далѣе, — подъ 1310 годомъ говорится также о Василю Константиновичѣ, но, очевидно, о томъ Василю Константинвичѣ, о которомъ подъ тѣмъ же годомъ — передавая тотъ же самый фактъ изъ его жизни — говорятъ и другія лѣтописи, какъ Новгородская 4-я, Софійская 1-я и Воскресенская (см. начало этого примѣчанія). Въ помянутыхъ лѣтописяхъ этотъ Василій Константиновичъ называется княземъ *галицкимъ* и *внукомъ Ярослава*. Но Никоновская лѣтопись (т. III, стр. 107) ведетъ здѣсь восходящее родство Василю такъ же, какъ и «Указатель», хотя и называетъ его кн. *галицкимъ*: «Того же лѣта (1310) родися кн. Василю Костянтиновичю *галицкому*, внуку *Борисову*, правнуку *Василкову*, сынъ Феодоръ». Здѣсь, очевидно, смѣшиваются два одноименныхъ князя, ростовскій и галицкій, что и подало, кажется, поводъ считать 1310 годъ годомъ рожденія обоихъ Феодоровъ, и галицкаго и ростовскаго. С. М. Соловьевъ, впрочемъ, нѣсколько разнообразить это: годомъ рожденія Феодора галицкаго онъ считаетъ 1310, а ростовскаго — 1311-й годъ. Нѣсколько словъ еще о послѣднемъ мѣстѣ Никон. лѣтописи. Вѣроятно, составитель этого свода, говоря подъ 1309 годомъ о смерти Константина ростовскаго (кстати: о смерти его онъ говоритъ еще подъ 1304 г. Ibid. стр. 102) и занятіи Ростова сыномъ его Василюмъ, причемъ прописывается восходящее родство Константина, подъ слѣдующимъ 1310 годомъ, говоря о Василю галицкомъ, незамѣтно для самого себя прописалъ то же самое восходящее родство и этому послѣднему, такъ какъ оно — если можно такъ выразиться — сидѣло еще у него въ головѣ и не успѣло вытѣсниться другимъ, особенно если оба года писаны были имъ послѣдовательно-непрерывно. Если, такимъ образомъ, принять восходящее родство Василю галицкаго по Никон. лѣтописи за ошибку — а этого, кажется, нельзя не принять, — то результатъ будетъ только тотъ, что у Константина галицкаго былъ сынъ Василій, у Василья—Феодоръ, что этотъ послѣдній родился въ 1310 году, а годъ рожденія Феодора Васильевича ростовскаго будетъ неизвѣстенъ.

Давиду Константиновичу большая часть родословныхъ даетъ одного сына, Ивана, но не потому, кажется, что у него въ дѣйствительности былъ только одинъ сынъ, а потому, что, на извѣстныхъ составителямъ этихъ родословныхъ основаніяхъ, отъ этого Ивана онѣ производятъ слѣдующихъ галицкихъ князей. Но

а) другія родословныя даютъ ему еще сына Феодора, а

б) по нѣкоторымъ соображеніямъ приходится приписать ему еще третьяго сына, Бориса.

Димитрій галицкій, выгнанный Донскимъ изъ Галича, во всѣхъ, сколько помнится, родословныхъ называется *Ивановичемъ*; но дѣдомъ его считается не одно и то же лице. Что

емъ ни времени рожденія и смерти его, ни того, занималъ ли онъ Галицкое княженіе, и если занималъ, то одинъ ли, или совмѣстно съ братьями.

касается лѣтописей, то въ нихъ, за исключеніемъ Никоновской (о чемъ сейчасъ будетъ сказано), онъ нигдѣ не называется по отчеству.

Въ родословной кн. Долгорукаго и въ «Краткомъ истор. повѣствіи» (Москва 1785 г.) у Давида значится сынъ Ѳеодоръ. Долгорукій составлялъ родословную галицкихъ князей на основаніи Хворостининскаго родословца, принадлежавшаго въ XVI в. боярину кн. Дмитрію Ивановичу Хворостинину, а составитель «Повѣствія» (кн. Щербатовъ?) говоритъ въ предисловіи, что «собранное (имъ) родословіе князей російскихъ» онъ сличалъ съ древнѣйшимъ спискомъ родословной времени, какъ онъ не безъосновательно полагаетъ, царя Ѳеодора Ивановича, такъ какъ Годуновъ въ этой родословной значится конюшимъ и бояриномъ. Въ «Повѣствіи» (стр. 78) говорится, что у Давида былъ одинъ сынъ, Ѳеодоръ, что этотъ Ѳеодоръ скончался въ 1385 г. и что у внука его, Дмитрія Ивановича, Дмитрій Донской отнялъ Галичъ въ 1363 году. Очевидно, годъ смерти Ѳеодора—1385—есть не болѣе, какъ типографская ошибка, не досмотрѣнная корректоромъ (при наборѣ легко было смѣшать цифру 3 съ цифрой 8, которая могла попасть въ кассѣ въ отдѣленіе цифры 3; иначе выходитъ хронологическая несообразность: дѣдъ, владѣвшій Галичемъ, скончался въ 1385, а у внука его отбираютъ Галичъ въ 1363 году!...). Думается, что вмѣсто 1385 нужно читать 1335, а подъ этимъ послѣднимъ годомъ мы находимъ въ Никон. лѣтописи (III, 162) оправдывающее наше предположеніе извѣстіе о смерти Ѳеодора галицкаго (по отчеству не названъ). Если вѣрить «Повѣствію» (а какое основаніе имѣемъ мы предпочитать ему другія родословныя, тѣмъ болѣе, что у составителя его былъ въ рукахъ болѣе или менѣе очень древній списокъ родословной?), то умершій, по Никонов. лѣтописи, въ 1335 г. Ѳеодоръ галицкій и былъ именно сынъ Давида (Соловьевъ, по какимъ-то соображеніямъ, считаетъ этого Ѳеодора Васильевичемъ, т. е. племянникомъ Давида). Такимъ образомъ генеалогія галицкихъ князей по прямой виходящей линіи отъ Константина до Дмитрія, котораго Донской выгналъ изъ Галича, будетъ такая: Константинъ—Давидъ—Ѳеодоръ—Иванъ—Дмитрій, котораго Донской выгналъ изъ Галича. Такъ же ведутъ это родословіе родословныя Долгорукаго и П. Н. Петрова («Ист. родовъ русск. дворянства» I, 136).

Борисъ, кн. дмитровскій (Давидовичъ). — Въ Никон. лѣтописи (III, 161) подъ 1334 г. читаемъ: «Того же лѣта преставися во ордѣ князь Борисъ Дмитровскій» (по отчеству не названъ). Чтобы хоть немного подойти къ рѣшенію вопроса, чей сынъ былъ этотъ Борисъ, нужно сдѣлать приблизительный расчетъ, въ какое время Галицко-Дмитровскій удѣлъ могъ раздѣлиться между потомками Константина Ярославича на два удѣла. Для этого припомнимъ нѣкоторыя хронологическія данныя, касающіяся галицкихъ князей:

- а) Константинъ Ярославичъ, князь галицкій † 1255;
- б) Давидъ Константиновичъ, кн. галицкій и дмитровскій 1255 † 1280;
- в) Василій Константиновичъ 1255—1310; въ послѣднемъ году у него—слѣдовательно уже у старика—родился сынъ Ѳеодоръ, потомства котораго нигдѣ не видимъ;
- г) Борисъ, кн. дмитровскій, † 1334 въ ордѣ (а если онъ сынъ Давида, то: 1280 † 1334);

д) Иванъ Давидовичъ 1280 (годъ смерти его отца; но онъ могъ умереть и раньше отца: мы знаемъ его только по нѣкоторымъ родословнымъ, а въ лѣтописяхъ онъ не упоминается. Приписываемый ему нѣкоторыми родословными сынъ Дмитрій, котораго считаютъ именно за изгнаннаго изъ Галича Донскимъ, по нашему расчету выходитъ не сыномъ его, а двоюроднымъ внукомъ);

е) Ѳеодоръ (Давидовичъ), кн. галицкій (и только галицкій) 1280 († 1335, какъ выше достаточно, кажется, доказано на основаніи «Повѣствія» и Никон. лѣтописи);

ж) Ѳеодоръ Васильевичъ (Константиновича), род. 1310 года. Потомства отъ него не видимъ.

Давидъ Константиновичъ называется княземъ *галицкимъ* и *дмитровскимъ* (П. С. Р.

Родословныя приписываютъ ему сына Димитрія, будто бы того самого, котораго въ 1362 или 1363 году Донской выгналъ изъ Галича. Но по

Л. VII, 174; Никон. III, 65), Василій Константиновичъ—только галицкимъ (Ibid. VII, 185; Никон. III, 107), Борисъ — только дмитровскимъ. По смерти брата своего Давида, Василій жилъ еще долго. Въ послѣдніе годы жизни Давида, если даже предположить, что онъ родился не раньше 1255 г. (годъ смерти отца ихъ), онъ былъ уже очень взрослымъ человѣкомъ и долженъ былъ имѣть свою долю въ удѣлѣ. Надобно предположить, слѣдовательно, что братья владѣли удѣломъ сообща. Но подъ 1310 годомъ Василій называется только галицкимъ княземъ, а подъ 1334 г. Борисъ—только дмитровскимъ. По всей вѣроятности, по смерти Давида, въ 1280 г., Василій одинъ занялъ Галичъ, предоставивъ племянникамъ своимъ, дѣтямъ Давида, Дмитровъ. По смерти же Василія, Ѳеодоръ Давидовичъ, называемый только галицкимъ княземъ, передвинулся въ Галичъ, предоставивъ Дмитровъ младшему брату Борису, а Иванъ Давидовичъ, если таковой и былъ, то, надобно полагать, умеръ раньше Василія. Борисъ умеръ въ 1334 году, когда въ Галичѣ сидѣлъ еще Ѳеодоръ, умершій въ 1335 г. О Ѳеодорѣ Васильевичѣ мы ничего не знаемъ и не находимъ въ лѣтописяхъ ничего, кромѣ извѣстія, что онъ родился въ 1310 году. Вѣроятно, онъ умеръ въ младенчествѣ. Такимъ образомъ послѣ Ѳеодора Давидовича Галичъ занятъ былъ сыномъ его Иваномъ, который, въ свою очередь, передалъ удѣлъ сыну своему Димитрію, и этого-то Димитрія Донской выгналъ изъ Галича. Что касается Дмитрова, то неизвѣстно положительно, вмѣстѣ ли съ Галичемъ, или раньше присоединенъ онъ къ Московскому княжеству, но послѣ Бориса мы встрѣчаемся съ нимъ, уже какъ съ московскимъ удѣломъ.

Опять возвращаемся къ вопросу о происхожденіи Бориса: дѣйствительно ли онъ былъ сынъ Давида? Изъ вышесказаннаго съ нѣкоторой достовѣрностью можно вывести слѣдующее:

а) сыномъ Василія Константиновича онъ не могъ быть, потому что родословныя не даютъ этому князю дѣтей, а о Ѳеодорѣ Васильевичѣ мы знаемъ только изъ лѣтописей, изъ которыхъ не видно, чтобы кромѣ этого Ѳеодора былъ еще какойнибудь сынъ у Василія; потомства у Ѳеодора не видимъ;

б) Ивана Давидовича знаемъ только по нѣкоторымъ родословнымъ, которыя даютъ ему сына Димитрія, согнаннаго будто бы съ Галича Донскимъ. Но этого Димитрія мы считаемъ, если бы даже и былъ Иванъ Давидовичъ, не сыномъ его, а двоюроднымъ внукомъ. Во всякомъ случаѣ, Ивану Давидовичу родословныя, и то не все, даютъ только Димитрія;

в) Ѳеодора Давидовича знаемъ только по нѣкоторымъ родословнымъ, и эти родословныя даютъ ему только одного сына, Ивана, и внука Димитрія.

Такимъ образомъ остается одно предположеніе, что Борисъ былъ сынъ Давида.

Этого Бориса мы знаемъ только по Никон. лѣтописи; въ другихъ лѣтописяхъ, а также и въ родословныхъ, мы не встрѣчаемъ его. Потомства у него также не видимъ, хотя Никон. лѣтопись подаетъ поводъ думать, что у него былъ сынъ Димитрій. Подъ 1360 г. въ помянутой лѣтописи (т. III, стр. 216) читаемъ: «Того же лѣта прииде изъ орды отъ царя князь Димитрей *Борисовичъ* пожалованъ на княжени въ Галичъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь говорится про того Димитрія, котораго въ 1362 или 1363 г. выгналъ Донской изъ Галича. Въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ передается этотъ эпизодъ, Димитрій нигдѣ не названъ по отчеству (П. С. Р. Л. I, 231; II, 350; XV, 428—во всѣхъ подъ 1362 годомъ); IV, 64; V, 229; Ник. IV, 5—во всѣхъ подъ 1363 г.). Карамзинъ (т. IV, 183, пр. 327, 396), добросовѣстно слѣдя известной части родословныхъ, называетъ его Ивановичемъ, внукомъ Давида. Но С. М. Соловьевъ (см. его родосл. табл. при III томѣ) признаетъ упоминаемаго въ Никон. лѣтописи Димитрія Борисовича сыномъ Бориса Давидовича, *упоминаемымъ подъ 1360 г.*, а говоря объ изгнаніи изъ Галича наслѣдственнаго князя, называетъ только *Димитрія галицкаго*, безъ отчества, а Димитрія Ивановича галицкаго, котораго знаетъ Карамзинъ по родословнымъ, у него нѣтъ. Такимъ образомъ Соловьевъ изгнаннаго изъ Галича Димитрія какъ будто считаетъ Борисовичемъ, какъ это и понялъ составитель «Ука-

нашему мнѣнію этотъ Димитрій былъ его двоюроднымъ внукомъ⁶⁰²). Конечно, если предположить, что Ѳедоръ Давидовичъ занялъ столь по смерти отца непосредственно, то періодъ его княженія будетъ продолжителенъ, такъ какъ Ѳедоръ Давидовичъ скончался въ 1335 г. Но мы не можемъ утверждать, что послѣ Давида княжилъ Иванъ Давидовичъ, такъ какъ не имѣемъ на то никакихъ указаній и, слѣдовательно, оснований.

Борисъ Давидовичъ.

1280 † 1334.

Бориса Давидовича мы знаемъ только по Никоновской лѣтописи, въ которой отмѣченъ годъ его смерти въ ордѣ—1334⁶⁰³). Онъ названъ здѣсь княземъ дмитровскимъ, что указываетъ на раздѣлъ Галицкаго княжества, совершенный или самимъ Давидомъ Константиновичемъ не задолго до его смерти (самъ Давидъ подъ 1280 г. называется еще галицкимъ и дмитровскимъ), или уже самими дѣтьми его⁶⁰⁴).

зателя» къ его исторіи, г. Шйловъ, и въ то же время какъ бы опасается признать его таковымъ, назвавши изгнанника просто Димитріемъ галицкимъ, безъ отчества. Никон. лѣтопись, называя подъ 1360 г. выходившаго въ ордѣ ярлыкъ на Галичъ Димитрія *Борисовичемъ*, хотя и называетъ подъ 1363 г. изгнаннаго изъ Галича князя только Димитріемъ галицкимъ (безъ отчества), но, конечно, разумѣетъ того же Димитрія, о которомъ говоритъ подъ 1360 г., и слѣдовательно считаетъ его сыномъ Бориса. Однако, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что въ Никон. лѣтописи часто встрѣчаются ошибки и въ хронологіи и въ генеалогіи, позволительно усомниться и здѣсь въ правдивости ея извѣстій, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ безъ исключенія родословныхъ изгнанный изъ Галича Димитрій считается сыномъ Ивана, — Давидовича ли, Ѳедоровича ли—объ этомъ здѣсь не говоримъ, такъ какъ говорили выше. Притомъ, надобно замѣтить, что родословныя «Повѣствія» и Хворостининская, на которой основывается кн. Долгорукій, составленіемъ древнѣе Никон. лѣтописи. Такимъ образомъ, по нашему крайнему разумѣнію, родословная князей галицкихъ, потомковъ Ярослава Всеволодовича, будетъ такой, какой мы изобразили ее въ родословной таблицѣ при I томѣ.

602) См. прим. 601. Вообще это примѣчаніе необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи княженій всѣхъ потомковъ Константина.

603) Никон. III, 161.

604) Та же Никон. лѣтопись (III, 216) считаетъ, по видимому, сыномъ этого Бориса того Димитрія, который изгнанъ изъ Галича Донскимъ. Мы принимаемъ это за ошибку лѣтописи, о чемъ см. прим. 601. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Никон. лѣтопись (III, 65), при описаніи свадьбы Михаила Глѣбовича бѣлозерскаго (1278 г.), говоритъ, что отецъ послѣдняго, Глѣбъ, «почти евата своего, Ѳедора Ростиславича Чернаго и княгиню его и з дѣтми его, и зятя его, Давида Костянтиновича галицкаго и дмитровскаго, и бояръ его и слугъ его»,—нельзя, говоримъ, не обратить вниманія на то, что о бо-

Собственно говоря, Бориса Давидовича нужно было бы отнести къ князьямъ дмитровскимъ. Но такъ какъ онъ, въ числѣ дмитровскихъ князей, стоитъ одиноко и притомъ мы не знаемъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ Дмитровъ перешелъ во владѣніе московскихъ князей, то сочли за лучшее здѣсь сообщить о немъ тѣ скудныя свѣдѣнія, какія даетъ лѣтопись, предоставляя себѣ только упомянуть о немъ въ главѣ о князьяхъ дмитровскихъ или галицко-дмитровскихъ.

Федоръ Давидовичъ.

1280 † 1335.

Федоръ Давидовичъ упоминается только въ нѣкоторыхъ родословныхъ. Карамзинъ нигдѣ не упоминаетъ ни о Федорѣ Давидовичѣ, ни о его двоюродномъ братѣ Федорѣ Васильевичѣ. Что касается С. М. Соловьева, то упоминаемаго въ Никоновской лѣтописи Федора галицкаго (безъ отчества), умершаго въ 1335 г. (у Солов. 1334 г.), онъ считаетъ Васильевичемъ⁶⁰⁵), но, смѣемъ думать, неосновательно. Федоръ галицкій, умершій въ 1335 г., не названъ по отчеству, слѣдовательно происхожденіе отъ того или другаго отца должно было представляться нашему историку по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Между тѣмъ, по нѣкоторымъ родословнымъ, по нашему мнѣнію, болѣе достовѣрнымъ⁶⁰⁶), у Давида былъ сынъ Федоръ, и этого-то Федора мы считаемъ за умершаго въ 1335 г. Замѣтимъ, что подъ 1334 годомъ говорится о смерти въ ордѣ Бориса, котораго мы считаемъ младшимъ Давидовичемъ и который называется княземъ *дмитровскимъ*. Почти одновременно съ нимъ умираетъ Федоръ *галицкій*. Если этотъ послѣдній былъ *Васильевичъ*, то трудно представить себѣ, какимъ образомъ Борисъ дмитровскій, сынъ старшаго Константиновича (Давида), могъ уступить старшій столъ княжества сыну младшаго Константиновича (Василія). Намъ могутъ возразить, что Борисъ умеръ въ 1334 году и слѣдовательно

ярахъ и слугахъ Давида здѣсь упоминается, а о дѣтяхъ и женѣ его ничего не говорится. Это обстоятельство наводитъ на предположеніе, что жены Давида въ это время, какъ и старшаго сына Ивана, если таковой былъ, уже не было въ живыхъ, а младшіе сыновья были еще малолѣтками.

605) См. родосл. таблицу при III томѣ его исторіи.

606) См. 601 примѣчаніе.

послѣ него галицкій столъ могъ занять Ѳеодоръ (Васильевичъ), умершій въ 1335 г. Положимъ, бываютъ такія фатальныя стеченія обстоятельствъ, но трудно себѣ представить, чтобы лѣтописецъ не оговорилъ ихъ.

Какъ извѣстно, Димитрій Ивановичъ Донской, въ своей духовной грамотѣ, называетъ Галичъ куплей дѣда своего, т. е. Ивана Калиты. Вѣроятно, на этомъ основаніи новѣйшія родословныя⁶⁰⁷⁾ говорятъ, что Ѳеодоръ Давидовичъ продалъ половину Галича Калитѣ⁶⁰⁸⁾. Ѳеодоръ Давидовичъ, какъ нѣкоторое время и сынъ его Иванъ, долженъ быть современникомъ Калитѣ, но продавалъ ли Галичъ онъ, а не сынъ его Иванъ, не знаемъ; сомнѣваемся даже въ дѣйствительности этого факта. Если Калита купилъ половину Галича, то почему не распорядился этой половиной въ своемъ духовномъ завѣщаніи? Семень Гордый не церемонился ни съ князьями, ни съ чужими волостями, и однако ни онъ, ни, тѣмъ болѣе, его преемникъ не только не предъявляютъ никакихъ правъ на Галичъ, но и не говорятъ о немъ въ своихъ завѣщаніяхъ. Почему непременно на долю Донскаго выпала забота присоединенія къ Москвѣ купли Калиты? Карамзинъ безусловно вѣритъ въ то, что Калита купилъ Галичъ, но причина, по которой объ этомъ городѣ не говорятъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ самъ Калита и первые преемники его до Димитрія Донскаго, выставляется имъ совершенно неожиданная: онъ говоритъ, что Галичъ, а также Угличъ и Бѣлозерскъ, купленные Калитой, до Димитрія Донскаго считались великокняжескими, а не московскими. Значитъ, Калита и первые его преемники не распоряжаются помянутыми удѣлами потому, что вмѣстѣ съ великокняжескимъ достоинствомъ они могли перейти въ руки неизвѣстнаго будущаго великаго князя, каковымъ могъ быть, напримѣръ, князь тверской. . . . Но съ какой стати Калита, этотъ князь-скопидомъ, сталъ бы увеличивать матеріальныя средства своего врага? Да, наконецъ, развѣ онъ покупалъ удѣлы какъ великій, а не московскій князь? . . . Значитъ, была какая-то спеціальная великокняжеская казна, которую онъ тратилъ на покупку городовъ? Ничего та-

607) Родословная Долгорукаго, IV, 6.

608) М. Дм. Хмыровъ (см. его «Перечень», № 830) говоритъ, что Иванъ Давидовичъ наслѣдовалъ послѣ отца половину Галича. Выходитъ, такимъ образомъ, что половину Галича продалъ Давидъ. Но говорить о продажѣ — всего ли, половины ли — Галича можно только на основаніи духовной Донскаго, по которой Галичъ купленъ Калитой. Если даже и вѣрно, что Калита купилъ Галичъ, то какимъ образомъ могъ продать ему свой удѣлъ Давидъ Константиновичъ, умершій въ 1280 году, когда Калиты и на свѣтѣ не было, а если и былъ, то былъ еще младенцемъ? Хмыровъ, впрочемъ, ведетъ родословіе галицкихъ князей не такое, какое принято у насъ: онъ считаетъ Димитрія Ивановича, изгнаннаго изъ Галича Довскимъ, внукомъ Давида, а не Ѳеодора, какъ у насъ принято. Но и при этомъ ошибка его не понятна.

кого не было, и если Калита покупалъ какія села и города, то покупалъ на свои деньги, и, слѣдовательно, эти прикупки не могли считаться великокняжескими. Соловьевъ въ этомъ вопросѣ нѣсколько иначе оговаривается: онъ говоритъ, что Галичъ купленъ Калитой, вѣроятно, на извѣстныхъ условіяхъ и до Донскаго оставался за прежними князьями⁶⁰⁹). Но эти извѣстныя условія — понятіе весьма растяжимое, такъ сказать, безформенное и неуловимое, такъ что о степени убѣдительности или неуубѣдительности ихъ не можетъ быть и рѣчи.

Оедоръ Васильевичъ.

р. 1310 г.

Этого князя, единственнаго сына Василя Константиновича, мы уже касались, говоря о Оедорѣ Давидовичѣ. Здѣсь отмѣтимъ только, что кромѣ родословныхъ онъ упоминается только одинъ разъ Никоновской лѣтописью, которая подъ **1310** годомъ отмѣчаетъ его рожденіе⁶¹⁰). Никакихъ другихъ извѣстій о немъ нигдѣ не находимъ.

Иванъ Оедоровичъ.

1335.

Ивана Оедоровича мы знаемъ только по нѣкоторымъ родословнымъ, считающимъ его единственнымъ сыномъ Оедора Давидовича. Тѣ же родословныя даютъ ему единственнаго сына Димитрія, того самаго, котораго Донской выгналъ изъ Галича, и котораго другія родословныя, а за ними и нѣкоторые историки, во главѣ съ Карамзинымъ, считаютъ сыномъ Ивана Давидовича⁶¹¹).

609) Карамз. IV, 152; Соловьевъ IV, 136.

610) Никон. III, 107. См. 601 прим., гдѣ указано на ошибку Никон. лѣтописи, смѣшавшей этого Оедора съ одноименнымъ княземъ ростовскимъ.

611) См. прим. 601.

Димитрій Ивановичъ.

1354 — 1363....

Этого князя, называемаго во всѣхъ родословныхъ Ивановичемъ, въ Никоновской лѣтописи — Борисовичемъ, а во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ упоминаемаго безъ отчества, мы считаемъ, на нѣкоторыхъ основаніяхъ, сыномъ не Бориса ⁶¹²) и не Ивана Давидовича, а Ивана Ѳедоровича, племянника Ивана Давидовича ⁶¹³).

Во всякомъ случаѣ, чей бы сынъ ни былъ этотъ Димитрій, мы знаемъ о немъ слѣдующее. Въ 1359 г. умеръ ханъ Бердибекъ, и ордынскій престолъ занялъ родственникъ его Кульна, который, черезъ пять мѣсяцевъ по его водареніи, вмѣстѣ съ дѣтьми убитъ былъ Наврусомъ, потомкомъ Тушихана, сына Чингисханова. Князья сѣверо-восточной Руси отправились въ орду съ дарами къ новому хану, который отдалъ великое княжество Димитрію Константиновичу суздальскому, а удѣльныхъ князей утвердилъ на ихъ отчинахъ. Въ то же время и Димитрій Ивановичъ галицкій «пожалованъ на княженіи въ Галичъ» ⁶¹⁴). Но вскорѣ юный московскій князь, руководимый умными помощниками своими, отнялъ великое княжество у своего соперника и началъ приводить удѣльныхъ князей въ свою волю, или изгонять ихъ изъ ихъ удѣловъ: такъ, въ 1362 г. (а по нѣкоторымъ лѣтописямъ — въ 1363) онъ выгналъ кн. Ивана стародубскаго изъ его удѣла. Участи князя стародубскаго одновременно подвергся Димитрій галицкій ⁶¹⁵): онъ изгнанъ былъ изъ Галича, а его супруга взята была побѣдителями. Невольные изгнанники отъѣхали къ нижегородскому князю, «скорбяще о княженіяхъ своихъ», по выраженію лѣтописи ⁶¹⁶).

612) Карамзинъ (IV, прим. 396) тоже не признаетъ его за Борисовича.

613) См. прим. 601.

614) Никон. III, 216, гдѣ онъ названъ Борисовичемъ.

615) П. С. Р. Л. I, 291; II, 350 (въ обѣихъ подъ 1362 годомъ); IV, 64; V, 229; Никон. IV, 5 (во всѣхъ трехъ подъ 1363 г.). Въ предпоследней изъ указанныхъ лѣтописей (Софійской первой) сказано: «Великій князь Дмитрей Ивановичъ сгони князя Дмитрія Константиновича съ великого княженія и съ Галича». Очевидно, здѣсь не ошибка, а пропускъ нѣсколькихъ словъ.

616) Никон. IV, 5. См. примѣч. 531. П. Н. Петровъ говоритъ, что Димитрій галицкій напелъ пріютъ въ Новгородъ (Великомъ), вступивъ въ службу къ архіепископу. Не знаемъ, откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе; знаемъ только, что по нѣкоторымъ родословнымъ (напр. Родословная «Временника», 73—74) потомки Димитрія Ивановича въ VII—VIII колѣнѣ были въ Великомъ Новгородѣ: такъ, сынъ Бориса Семеновича *Третьяка* былъ бояриномъ у новгородскаго архіепископа Пимена, а внукъ былъ «на помѣстьѣ въ Великомъ Новгородѣ». См. «Ист. родовъ русск. дворянства», I, 186.

Неизвѣстно, на комъ женатъ былъ Дмитрій Ивановичъ; знаемъ только, по родословнымъ, что у него былъ сынъ Василій. У внука этого послѣдняго, у Бориса Васильевича, было три сына: Дмитрій, по прозванію *Берега*, Семенъ *Осина* и Иванъ *Ива*; отъ нихъ произошли дворянскія фамиліи *Березиныхъ*, *Осининыхъ* и *Ивиныхъ*. Одинъ изъ Осининыхъ, внукъ Семена Борисовича, *Ляпуно* Осининъ, бывшій у новгородскаго архіепископа Пимена бояриномъ, оставилъ своимъ потомкамъ прозвище *Ляпуновыхъ*. Одинъ изъ внуковъ его перешелъ на службу къ рязанскому князю, и такимъ образомъ мы видимъ вполнѣ въ Рязанской области извѣстную фамилію дворянъ *Ляпуновыхъ* ⁶¹⁷).

В. Галицкіе владѣтельные князья изъ рода Ивана Калиты.

Въ 1363 г., какъ мы видѣли, Галицкій удѣлъ присоединенъ былъ къ Московскому княжеству. Въ лѣтописяхъ говорится собственно объ отнятіи московскимъ княземъ у Дмитрія, послѣдняго удѣльнаго галицкаго князя изъ рода Ярослава Всеволодовича, только Галича; о Дмитровѣ же ничего не говорится. Но такъ какъ Дмитрій Ивановичъ Донской распоряжается этимъ городомъ наравнѣ съ Галичемъ и другими городами, при раздачѣ ихъ своимъ дѣтямъ, то Дмитровъ, надобно полагать, присоединенъ къ Московскому княжеству одновременно съ Галичемъ. Такъ полагаютъ и наши историки ⁶¹⁸). Въ грамотахъ первыхъ преемниковъ Ивана Даниловича Калиты Дмитровъ упоминается только въ духовной Семена Гордаго, который отказываетъ своей супругѣ, между прочимъ, село въ Дмитровѣ, а Галичь начинаетъ упоминаться только съ договорной грамоты Дмитрія Донскаго и Владиміра Андреевича. Эту грамоту относятъ къ 1371 г., не смотря на то, что даты на ней не выставлено и что въ ней есть одно мѣсто, которое, по отношенію ко времени ся написанія, возбуждаетъ сомнѣніе. Надобно замѣтить, что эта грамота ⁶¹⁹), отъ ветхости, ислѣла и дошла до насъ не въ

617) Родосл. «Временника», 73—74; П. Н. Петровъ *ibid.*

618) Ист. Росс. Соловьева IV, 139.

619) С. г. г. и д. I, № 29. Соловьевъ (IV, 139) принимаетъ тотъ же годъ, что и издатели, т. е. 1371. Мы высказываемъ въ текстѣ предположеніе, что Галичь и Дмитровъ по рассматриваемому договору могли быть отданы Владиміру Андреевичу. Но надобно еще замѣтить, что въ договорѣ упоминается княгиня Ульяна, по всей вѣроятности, жена Ивана Калиты, могшая дожить до первыхъ годовъ княженія Дмитрія Донскаго, такъ какъ же-

цѣломъ видѣ, почему нѣкоторыя мѣста ея представляются неясными, между тѣмъ какъ историки трактуютъ ее какъ совершенно ясную и понятную, не возбуждающую никакихъ сомнѣній. Не лишнимъ будетъ, поэтому, привести здѣсь начало ея, особенно важное для насъ по вопросу о судьбѣ Галича и Дмитрова въ первые годы по присоединеніи ихъ къ Москвѣ. Вотъ начало ея съ тѣми пропусками, какіе явились въ ней отъ ветхости: «... своимъ братомъ съ молотшимъ, со княземъ съ Володимеромъ съ Андрѣвичемъ... тебе брата своего старѣйшого Князя Великого собѣ отцемъ, а сына твоего... жити ны по сей грамотѣ. Вотчины ми, Господине, твоее и Великого княженя... ми подъ тобою не искати и подъ твоими дѣтьми, ни моимъ... емъ и до живота, и твоимъ дѣтемъ; тако же и тобѣ Князю Великому... *Господине, далъ въ удѣлъ Галичъ, Дмитровъ* съ волостями и съ селы... и твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми и до живота; а добра... до живота; а блюсти ти, Господине, вотчины моее и Московское... блюсти, а не обидѣти, и твоимъ дѣтемъ. А рубежъ Галичю и Дмитрову... при Иванѣ и при нашихъ отцѣхъ при великихъ князѣхъ... е княжене, а отъ мене мой удѣлъ, чѣмъ мя еси, Господине, по... ю, Вышегородъ, Рудъ съ Кропивною, Сушевъ, Гордошевичи... до ее живота, а по ее животѣ Заячковъ миѣ. А ци от... четыре волости, Гордошевичи, Сушевъ, Гремичи, Заячковъ, а жда... пожалуетъ насъ Богъ, *найдемъ тобѣ, князю Великому великое*... князю великому, брату моему старѣйшему» и т. д. Если бы издатели государственныхъ грамотъ и договоровъ опредѣлили пропуски, хоть приблизительно, по количеству словъ, тогда можно было бы до нѣкоторой степени точно возстановить содержаніе этой грамоты. Издатели и историки говорятъ, что этой грамотой великій князь обязываетъ, между прочимъ, Владиміра Андреевича не вступаться въ Галичъ и Дмитровъ. Но вѣрно ли это? Первые, подчеркнутыя нами, слова, очевидно, принадлежатъ Владиміру Андреевичу, и если до и послѣ этихъ словъ пропуски небольшіе, то, по контексту, надобно и слова «и твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми» и т. д. считать исходящими также отъ Владиміра Андреевича. А въ такомъ случаѣ приходится признать, что въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ грамоты Владиміръ Андреевичъ выставляетъ отъ себя одну изъ статей договора, по которой, какъ по послѣдствію ихъ личныхъ условій, предшествовавшихъ договору письменному, *великій князь блюдетъ подъ*

ной Калиты она сдѣлалась не задолго до смерти послѣдняго. Но эта Ульяна въ договорѣ не ясно выступаетъ, чтобы можно было дѣлать какія-либо догадки о томъ, не она ли была причиной дѣлежа волостей между двоюродными братьями, хотя видно, что она играла тутъ какую-то роль.

нимъ (Владиміромъ Андреевичемъ) и подъ его дѣтми, данныя ему великимъ княземъ города, Галичъ и Дмитровъ. Галичъ и Дмитровъ въ послѣдующихъ грамотахъ и договорахъ уже не встрѣчаются въ связи съ именемъ Владиміра Андреевича, — это правда. Но если мы и не находимъ видимаго оправданія своему предположенію въ наличныхъ официальныхъ актахъ, то это еще не значитъ, что наше предположеніе нисколько неословательно. Въ данномъ случаѣ мы указываемъ на то обстоятельство, что династическія стремленія московскихъ князей заставляли потомковъ Калиты весьма часто заключать договоры съ князьями, близко стоявшими, по родству, къ великому князю, съ тѣмъ, чтобы потомъ измѣнить эти договоры, сообразно съ личными практическими цѣлями. Такъ, мы знаемъ, что какъ Дмитрій Донской, такъ и его преемникъ — сынъ, весьма часто мѣнялись съ Владиміромъ Андреевичемъ волостями. Это видно изъ ихъ договорныхъ грамотъ. Но эти договорныя грамоты не удовлетворяютъ насъ, коль скоро мы будемъ подвергать ихъ такимъ испытаніямъ, которыя указали бы намъ на хронологическую послѣдовательность и притомъ непрерывную. Другими словами: до насъ не дошло много такихъ официальныхъ документовъ, отсутствіе которыхъ рождаетъ множество вопросовъ. Великій князь могъ дать Владиміру Андреевичу Галичъ и Дмитровъ, а потомъ могъ замѣнить ихъ другими волостями. Но договоры, заключенные между ними по случаю такихъ перемѣнъ, могли и не дойти до насъ. Другой спорный вопросъ, являющійся даже только при бѣгломъ разсмотрѣніи этой грамоты, касается времени заключенія договора. Какъ выше уже замѣчено было, издатели государственныхъ грамотъ и договоровъ, а за ними и историки почему-то относятъ этотъ договоръ къ 1371 г. А между тѣмъ въ этомъ договорѣ есть мѣсто, которое заставляеть отнести этотъ договоръ къ болѣе раннему времени. Мы читаемъ въ договорѣ: «... пожалуетъ насъ (конечно, договаривающихся) Богъ, найдемъ тобѣ, великому князю, великое...». Чего-нибудь другаго *великаго*, кромѣ *княженія*, договаривающіеся не могли искать. Когда же, во всю свою жизнь, Дмитрій Ивановичъ былъ въ такомъ положеніи, въ которомъ только и мыслимо такое условіе договора, какъ сейчасъ приведенное?—Только въ періодъ времени отъ 1359 до 1363 г. Къ этому времени и долженъ, по нашему мнѣнію, относиться разсматриваемый договоръ.

Положительныя извѣстія о князьяхъ галицкихъ изъ рода Ивана Даниловича Калиты начинаются съ конца XIV в. По духовному завѣщанію Дмитрія Донскаго⁶²⁰) Дмитровъ отдѣляется отъ Галича и одинъ становится

самостоятельнымъ удѣломъ, доставшись одному изъ младшихъ сыновей Донскаго, Петру, — а Галичъ вмѣстѣ съ Звенигородомъ и Рузой достается старшему, послѣ Василя, Димитріевичу, Юрію. Въ концѣ княженія Василя Димитріевича удѣль Юрія увеличивается еще присоединеніемъ къ нему Вятки, какъ это видно изъ договорной грамоты съ нимъ Василя Темнаго; но, съ другой стороны, онъ нѣсколько и уменьшается, какъ видно изъ той же грамоты, такъ какъ Юрій наравнѣ съ другимъ своимъ братомъ Петромъ долженъ былъ уступить нѣсколько Звенигородскихъ волостей, чтобы составился удѣль для самаго младшаго изъ его братьевъ, Константина, родившагося только за нѣсколько дней до смерти своего отца, а слѣдовательно и не получившаго удѣла, такъ какъ завѣщаніе написано было раньше его рожденія ⁶²¹).

Такимъ образомъ, хотя и есть нѣкоторое основаніе думать, что Галичъ и Дмитровъ непродолжительное время были во владѣніи Владимира Андреевича Храбраго, тѣмъ не менѣе — пока не подтвердится наша догадка болѣе очевидными доказательствами — рядъ галицкихъ князей изъ рода Ивана Калиты мы должны начинать съ Юрія Димитріевича.

Юрій Димитріевичъ.

р. 1374 † 1434.

Юрій Димитріевичъ родился 26-го ноября 1374 г. въ Переяславлѣ и крещенъ былъ преп. Сергіемъ радонежскимъ ⁶²²). Въ старину не только малолѣтніе княжичи, но и княжичи-младенцы участвовали въ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ и событіяхъ, то какъ представители своихъ отцевъ, руководимые опытными боярами, то какъ еще неопытные юноши, для которыхъ нужно практическое знакомство съ того рода дѣятельностью, которая ожидала ихъ въ будущемъ, то, наконецъ, просто какъ свидѣтели болѣе важныхъ событій. Такъ было и съ Юріемъ Димитріевичемъ: въ 1377 г., когда ему было еще только года три, онъ присутствовалъ при погребеніи митрополита Алексія ⁶²³); точно также въ 1380 г., когда Димитрій Ивано-

621) С. г. г. и д. I, №№ 43, 44. См. соответствен. мѣсто подъ Юріемъ галицкимъ.

622) П. С. Р. Л. I, 232; VIII, 21; Никон. IV, 40. Троицкая лѣтопись относитъ рожденіе Юрія къ 1375 году.

623) Ibid. VIII, 28.

вичъ шелъ противъ Мамаю, Юрій вмѣстѣ съ другими членами своего семейства оставленъ былъ въ Москвѣ подъ присмотромъ боярина Ѳеодора Андреевича Свиблова, какъ бы блюстителемъ столицы⁶²⁴). Послѣ Куликовской битвы имя Юрія Димитріевича не встрѣчается въ лѣтописяхъ до **1388** г., а подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ одной изъ лѣтописей замѣчено, что послѣ Пасхи ему приключилась какая-то тяжкая болѣзнь, но что «Богъ помилова его». Въ томъ же году, по договорной грамотѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Храбымъ, Юрій Димитріевичъ признанъ былъ равнымъ братомъ своему двоюродному дядѣ⁶²⁵).

Въ **1389** г. Димитрій Донской скончался. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ назначилъ въ удѣлъ Юрію Звенигородъ со всѣми пошлинами, селами и волостями, между которыми упоминаетъ: Рузу-городокъ, Суходоль, Вышегородъ и др., а также и Галичь, «куплю дѣда своего», Ивана Калиты⁶²⁶).

Болѣе или менѣе самостоятельная дѣятельность Юрія Димитріевича начинается съ **1392** г., когда новгородцы поссорились съ великимъ княземъ изъ-за «чернаго бора» и митрополичьяго суда. Василій Димитріевичъ послалъ дядю своего Владиміра Андреевича боровско-серпуховскаго и брата Юрія на Торжокъ, который и взятъ былъ ими; затѣмъ, попустошивши новгородскія волости, князья возвратились во-свои. Между тѣмъ въ Торжкѣ поднялся мятежъ: народъ убилъ «доброхота» великаго князя, новоторжца Максима. Опять въ Торжокъ посланы были московскіе полки съ цѣлью переловить убійцъ Максима, которые потомъ публично были казнены въ Москвѣ: имъ постепенно отсѣкали руки, ноги и пр. и при этомъ приговаривали, что такъ гибнуть враги великаго князя⁶²⁷).

Вскорѣ по вступленіи своемъ на великокняжескій столъ, Василій Димитріевичъ купилъ въ ордѣ ярлыкъ на Нижегородское княжество. Въ **1394** г., по смерти Бориса Константиновича нижегородскаго, племянники его, Василій и Семенъ Димитріевичи, дядья великаго князя по матери, бѣжали въ орду, а осенью слѣдующаго **1395** г., при помощи какого-то та-

624) Ibid. IV, 78; V, 238 (въ вариантахъ); VI, 92; VIII, 36.

625) Никон. IV, 158; С. г. г. и д. I, № 33.

626) С. г. г. и д. I, № 34; П. С. Р. Л. IV, 353; VI, 108; VIII, 56; Никон. IV, 188.

Въ послѣдней изъ указанныхъ лѣтописей сказано: «даде (Димитрій Юрію) своего дѣда куплю Галичь со всѣмъ, а прежь было Галичское княжение великое». — Не знаемъ, откуда М. Д. Хмыровъ (№ 194) почерпнулъ свѣдѣніе, что въ 1391 г. Юрій вмѣстѣ съ дядей своимъ Владиміромъ Храбымъ посланъ былъ на встрѣчу Софьи Витовтовны, невѣсты брата своего, Василя.

627) Ibid. IV, 100; V, 245; VI, 123 (во всѣхъ подъ 1393 г.), VIII, 63; Никон. IV, 239 (подъ 1392 г.).

тарскаго царевича Ейтяка (по всей вѣроятности, казанскаго), Семень Димитріевичъ овладѣлъ, 25-го октября, Нижнимъ Новгородомъ, причемъ татары, вопреки данной клятвѣ, убивали и грабили всѣхъ русскихъ до-нага. Василий Димитріевичъ послалъ противъ татаръ брата своего Юрія Димитріевича и съ нимъ воеводъ и старѣйшихъ бояръ. Московскіе полки взяли города: Болгары Великіе, Жукотинъ, Казань, Кременчукъ; три мѣсяца пустишили они непріятельскую землю и съ большою добычей возвратились домой⁶²⁸).

Вскорѣ послѣ того великій князь совмѣстно съ своимъ тестемъ Витовтомъ потребовалъ отъ новгородцевъ разрыва дружбы ихъ съ нѣмцами, бывшими во враждѣ съ литовскимъ княземъ. Слѣдствіемъ неисполненія новгородцами требованія великаго князя было занятіе послѣднимъ Двинской области. Новгородцы встали за обиду св. Софіи и Господина Великаго Новгорода и, во главѣ съ посадниками своими, двинулись за Волокъ. Много зла причинили они, между прочимъ, и волостямъ Юрія Димитріевича: бѣлозерскія, кубенскія и галицкія волости взяты ими на щитъ⁶²⁹). Это было въ **1398** г. Великій князь, однако, опасаясь сближенія Новгорода съ Литвой, отказался отъ Двинской земли. Между тѣмъ Семень Димитріевичъ суздальскій, кажется, хлопоталъ опять о томъ, чтобы при помощи татаръ занять Нижній Новгородъ. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что въ **1399** г. осенью великій князь посылалъ брата своего Юрія на Казань изловить суздальскаго князя, что, однако, не удалось⁶³⁰).

Послѣ этого похода, въ продолженіе лѣтъ 15, мы почти никакихъ извѣстій не встрѣчаемъ о Юріи Димитріевичѣ. Знаемъ только, что въ **1400** г. онъ сыгралъ свою свадьбу въ Москвѣ, женившись на Анастасіи, дочери смоленскаго князя Юрія Святославича, а въ **1402** г., по договору Василя Димитріевича съ Ѳедоромъ Олеговичемъ рязанскимъ, признанъ по отношенію къ послѣднему равнымъ братомъ, какъ и въ **1389** г. онъ признанъ та-

628) Ibid. IV, 101—102; V, 247—248; Никон. IV, 267. Ср. прим. 630.

629) Ibid. III, 99; IV, 102; V, 250; VI, 130. Никон. IV, 276.

630) Ibid. IV, 103; V, 251 (подъ 1398 г.); Никон. IV, 278. Такимъ образомъ это извѣстіе встрѣчается въ тѣхъ же лѣтописяхъ, въ которыхъ говорится и о походѣ 1395 г., когда взято было четыре города. Въ первыхъ двухъ говорится, что вел. князь посылалъ брата Юрія на Казань, на кн. Семена, а въ послѣдней добавлено, что посылалъ «погонею до Казани и не угнаша». Но въ Софійской второй и Тверской лѣт. (П. С. Р. Л. VI, 30; XV, 461) о походѣ 1395 года ничего не говорится, а подъ 1399 г. говорится о томъ, о чемъ въ другихъ лѣтописяхъ передается подъ 1395 г. С. М. Соловьевъ (т. IV, 2) относитъ взятіе Нижняго Семеномъ Димитріевичемъ, при помощи Ейтяка, и походъ Юрія къ 1399 г. См. Карамзина V, 76, пр. 145. Но послѣдній, ничего не говоря о походѣ Юрія, приводитъ мѣсто извѣстной ему Троицкой лѣт. изъ-подъ 1394 года.

ковымъ же по отношенію къ двоюродному дядѣ своему, Владиміру Андреевичу Храброму ⁶³¹).

Князья суздальско-нижегородскіе не переставали добиваться своей отчины — Нижняго Повгорода. Въ половинѣ января 1410 г. произошелъ бой при селѣ Лысковѣ (Нижегородской губ., Макарьевского уѣзда) между братомъ великаго князя, Петромъ Димитріевичемъ, и дѣтьми Бориса Константиновича, Иваномъ и Даниломъ, которымъ помогали князья болгарскіе, жукотинскіе и мордовскіе. Борисовичи одержали верхъ. Въ томъ же году Данилъ Борисовичъ послалъ какого-то татарскаго царевича Талыча и боярина своего Семена Карамышева ко Владиміру, который былъ разграбленъ и сожженъ ими. Въ слѣдующемъ году Борисовичи выхлопотали даже въ ордѣ ярлыки на свою отчину ⁶³²). Этого великій князь уже никакъ не могъ допустить, имѣя самъ ханскій ярлыкъ на Нижній Новгородъ, и вотъ, въ 1414 г., зимой, Юрій Димитріевичъ съ князьями боровско-серпуховскими, Андреемъ и Василиемъ Владиміровичами, съ князьями ростовскими и костромскими ратями, соединившись въ Костромѣ, 11-го января пошли къ Нижнему. Въ послѣднемъ находились: Данилъ и Иванъ Борисовичи, Иванъ Васильевичъ, сынъ Василя Димитріевича Кирдяпы, и Василій Семеновичъ, сынъ Семена Димитріевича. Они, по выраженію лѣтописи, «разумѣвъ свое неуправленіе къ великому князю», бѣжали за р. Суру, между тѣмъ какъ нижегородскіе бояре и черные люди съ крестнымъ ходомъ вышли на встрѣчу къ Юрію Димитріевичу и его соратникамъ. Юрій, не сдѣлавши никакого зла городу, «изгономъ» пошелъ за нижегородскими князьями, доходилъ до Суры, но, не могши настичь ихъ, возвратился опять въ Нижній Новгородъ, откуда соединенные князья — одни по Окѣ, а другіе по Волгѣ — пошли по своимъ волостямъ ⁶³³).

Мы уже видѣли, что Василій Димитріевичъ пытался овладѣть Заволочьемъ, принадлежавшимъ Новгороду, при чемъ, во враждебныхъ столкновеніяхъ съ послѣднимъ, отъ новгородцевъ много зла потерпѣли и галицкія волости Юрія Димитріевича. Это было въ 1398 г. Были и впослѣдствіи

631) Ibid. VI, 131; VIII, 72; С. г. г. и д. I, №№ 35 и 36. Въ лѣтописи прямо сказано, что Юрій женился «на Москвѣ», а потому гг. Холмогоровы напрасно клепятъ на лѣтописи, изъ которыхъ будто бы не видно, гдѣ совершено бракосочетаніе. (См. ихъ очеркъ: «Городъ Звенигородъ». М. 1884. Это — отдѣльный оттискъ изъ «Чтеній въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.»).

632) Ibid. III, 104; IV, 12; V, 258; VI, 139; VIII, 85; XV, 435; Никон. V, 36.

633) Ibid. XV, 487. Здѣсь же отмѣтимъ, для полноты біографическихъ свѣдѣній о Юріи, что въ 1416 г. марта 22 вмѣстѣ съ великимъ княземъ Василиемъ и другимъ братомъ, Константиномъ, онъ присутствовалъ при хиротоніаніи новгородскаго архіепископа Симеона. Ibid. III, 106, 135; IV, 114; V, 260; VIII, 88; Никон. V, 66.

набѣги на Заволочье, къ которымъ, хотя, такъ сказать, пассивно, примѣшивается и имя Юрія Димитріевича. Первые два десятка лѣтъ XV в. новгородцы то ссорились, то мирились съ великимъ княземъ. Последнее враждебное столкновение Москвы съ Новгородомъ при Василии Димитріевичѣ относится къ **1417** году. Бояринъ Юрія Димитріевича, Глѣбъ Семеновичъ, съ новгородскими бѣглецами, Жадовскимъ и Разсохинымъ, вятчанами и устюжанами, изъ Вятки, отчины великаго князя ⁶³⁴⁾, неожиданно напали на Заволочье, повоевали Борокъ, Емцу и Холмогоры и захватили въ полонъ двухъ новгородскихъ бояръ. Впрочемъ, этотъ полонъ былъ отбитъ у нихъ другими новгородскими боярами ⁶³⁵⁾.

Въ **1425** г. февраля 27-го умеръ великій князь Василій Димитріевичъ. До насъ дошло три духовныхъ грамоты его, изъ которыхъ первая писана еще при жизни сына его, Ивана († 1417), котораго, въ этой грамотѣ, онъ благословляетъ, *но еще только предположительно*, великимъ княженіемъ ⁶³⁶⁾. Но не это послѣднее обстоятельство — неувѣренность, что великое княженіе достанется именно этому, а не другому сыну — останавливаютъ наше вниманіе при разсмотрѣніи трехъ помянутыхъ духовныхъ грамотъ Василія Димитріевича: здѣсь мы обращаемъ вниманіе на взаимныя отношенія близкихъ родичей, — отношенія, которыя, со смертью Донскаго, должны были мало-по-малу вести удѣлы къ ихъ уничтоженію и къ сосредоточенію власти въ рукахъ одного изъ князей, т. е. московскаго. Во всѣхъ духовныхъ Василій Димитріевичъ поручаетъ наслѣдника — сына тестю своему Витовту, братьямъ роднымъ и троюроднымъ (сыновьямъ Владиміра Андреевича Храбраго). Здѣсь замѣчательно то обстоятельство, что великій князь не во всѣхъ грамотахъ и не всѣмъ наличнымъ братьямъ поручаетъ своего сына, будущаго великаго князя. Въ третьей духовной грамотѣ ⁶³⁷⁾ нѣтъ Константина Димитріевича, и это понятно: еще въ **1419** г. онъ отказался признать старѣйшинство пятилѣтнаго Василіева сына, Василія Васильевича, почему, лишенный удѣла, вынужденъ былъ бѣжать въ Новгородъ ⁶³⁸⁾. Но замѣчательнѣе всего то, что Юрій Димитріевичъ, не выражавшій — по крайней мѣрѣ явно — того, что, какъ видно, рѣзко выра-

634) Ср. прим. 621 и текстъ къ нему. Значить, Вятка въ это время еще не принадлежала Юрію.

635) П. С. Р. Л. III, 106—107; IV, 115; V, 260; VIII, 89; Никон. V, 68.—Здѣсь же отмѣтимъ, что въ 1420 г. въ Галичѣ, какъ и въ Костромѣ и Ярославлѣ, былъ моръ. Ibid. VI, 141.

636) С. г. г. и д. I, № 39.

637) С. г. г. и д. I, № 42.

638) П. С. Р. Л. IV, 119; VI, 141; Никон. IV, 73, 76.

зиль Константинъ, ни въ одной духовной не упоминается въ числѣ князей, которымъ Василій Димитріевичъ поручаетъ своего сына. Очевидно, съ этой стороны великій князь предвидѣлъ бѣольшую опасность, что и оправдалось тотъ-часъ же по смерти его.

Въ ночь съ 27-го на 28-е февраля митрополитъ Фотій послалъ въ Звенигородъ боярина своего, Акинфа Аслебятева — звать Юрія Димитріевича въ Москву, конечно, какъ на похороны, такъ и для присяги новому великому князю. Теперь-то и обнаружались честолюбивые замыслы Юрія: не желая признать племянника великимъ княземъ, напротивъ — самъ желая занять великокняжескій столъ, онъ не поѣхалъ въ Москву и отправился изъ Звенигорода въ болѣе отдаленный отъ Москвы и, слѣдовательно, болѣе безопасный Галичъ. Въ исканіи великокняжескаго стола Юрій Димитріевичъ могъ опираться не столько на старинныя, теперь совершенно распатанныя, понятія о престолонаслѣдїи, сколько на завѣщаніе своего отца. Димитрій Донской, въ своемъ духовномъ завѣщаніи ⁶³⁹), благословляетъ сына своего Василя, нисколько не думая о ханской санкціи, *«своею отчиною — великимъ княземъ»*. Такая форма передачи наслѣдства указываетъ на то, что завѣщатель утверждаетъ великое княженіе только за *своимъ родомъ* и притомъ въ низходящей линіи по праву первородства. Но такъ какъ Василій, во время составленія отцемъ его духовной, еще не былъ женатъ и можно было, во всякомъ случаѣ, опасаться внезапной его кончины, то Димитрію Ивановичу естественно было сдѣлать слѣдующую оговорку: *«А по грѣхომъ отыметъ Богъ сына моего князя Василя, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ моя княгиня»*. Подчеркнутыя слова опредѣленно указываютъ на волю завѣщателя, по которой тольکو въ случаѣ *бездѣтной* смерти Василя слѣдующій за нимъ братъ занимаетъ великокняжескій столъ; въ противномъ же случаѣ Василій передаетъ столъ старшему сыну своему. Очевидно, Юрій могъ оспаривать у племянника великокняжескій столъ, опираясь только на внѣшній, а не на внутренній смыслъ оговорки завѣщателя.

И такъ, Юрій не поѣхалъ въ Москву, а удалился въ Галичъ, откуда посылалъ къ племяннику посла «з громами». Впрочемъ, вскорѣ между дядей и племянникомъ состоялось перемиріе до Петрова дня ⁶⁴⁰). Этимъ временемъ

639) С. г. г. и д. I, № 34.

640) П. С. Р. Л. V, 263; VI, 142; VIII, 92; Никон. V, 82. Въ Софійской второй по ошибкѣ сказано, что Юрій изъ Звенигорода пошелъ въ Москву.—Посолъ Фотія въ однѣхъ лѣтописяхъ называется Слебятевымъ, а въ другихъ—Аслебятевымъ, но вездѣ Іакинеомъ, а не Іоакимомъ, какъ говорятъ Холмогоровы въ своей брошюрѣ: «Городъ Звенигородъ», стр. 9.

Юрій Димитріевичъ воспользовался для того, чтобы собрать войска со всей своей отчины. Великій князь (конечно, его бояре) также собиралъ свои рати; съ нимъ были и дядья его: Андрей, Петръ и Константинъ Димитріевичи. Узнавъ, что московское войско, а съ нимъ и братья его идутъ къ Переяславлю, Юрій Димитріевичъ, вѣроятно, потому что не успѣлъ приготовиться къ надлежащему отпору, бѣжалъ въ Нижній Новгородъ. Въ погоню за нимъ посланъ былъ Константинъ Димитріевичъ, отъ котораго Юрій ушелъ за р. Суру. Сюда же подошелъ и Константинъ. Нѣсколько времени братья стояли другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ рѣки, и разошлись безъ бою: за невозможностью переправиться черезъ рѣку, Константинъ пошелъ обратно въ Москву, а Юрій — въ Нижній Новгородъ и отсюда — въ Галичъ ⁶⁴¹). По возвращеніи въ послѣдній, Юрій предлагалъ великому князю перемиріе на годъ. Василий Васильевичъ, посовѣтовавшись съ матерью, митрополитомъ и дядьями, обославшись о томъ же съ дѣдомъ своимъ Витовтомъ, отправилъ въ Галичъ митрополита Фотія, чтобы добиться отъ Юрія вѣчнаго мира. Юрій, къ приѣзду митрополита, старался собрать со всей отчины своей какъ можно болѣе народу; этому послѣднему приказано было занять пригородную гору, такъ чтобы быть на виду у митрополита, котораго галицкій князь хотѣлъ поразить многочисленностью своихъ подданныхъ. Фотій, встрѣченный самимъ княземъ, дѣтьми его, боярами и лучшими людьми, отправился прямо въ Преображенскій соборъ для молитвы. Вышедши изъ храма и увидѣвши на горѣ множество народа, онъ сказалъ Юрію: «Сыну! не видахъ столко народа въ овчихъ шерстехъ» (ибо, замѣчаетъ лѣтописецъ, всѣ были въ сермягахъ, т. е. народъ простой, неспособный къ ратному дѣлу). Князь, какъ сказано, хотѣлъ похвалиться множествомъ народа, конечно, имѣя въ виду борьбу съ племянникомъ, «а святитель въ глумъ си вмѣнихъ себѣ». При переговорахъ Юрій и слышать не хотѣлъ о мирѣ; онъ требовалъ только

641) Ibid. V, 263; VI, 143—144; VII, 225; VIII, 2, 92; Никон. V, 82—83. Софійская вторая подъ 1425 годомъ говоритъ, что послѣ Василия Димитріевича сѣлъ на великомъ княженіи сынъ его Василий, что въ ту же весну Юрій ушелъ (не сказано, откуда) въ Галичъ; далѣе, упомянувши о походѣ Витовта на Псковъ и смерти Ивана Михайловича тверскаго, говорить, что въ томъ же году Юрій пошелъ къ Нижнему Новгороду, что великій князь послалъ за нимъ Андрея Димитріевича, который «не дошедъ воротися». (Софійская первая то же самое передаетъ подъ тѣмъ же 1425 г.). А подъ 1430 годомъ говоритъ, что Юрій разорвалъ миръ съ великимъ княземъ и сѣлъ въ Нижнемъ Новгородѣ, великій же князь послалъ за нимъ Константина и пр., какъ въ текстѣ. По обѣимъ Софійскимъ великій князь посылаетъ Андрея, а по всѣмъ другимъ лѣтописямъ — Константина. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Карамаз., V, пр. 257) Андрей ничего не сдѣлалъ, «норовя ему» (Юрію). Въ самомъ дѣлѣ, почему же Юрій могъ перебраться чрезъ Суру, а Андрей или Константинъ не могли? Когда московскія рати удалились, Юрій перешелъ же опять чрезъ Суру!...

перемирія. Фотій въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ Галича, не давши благословенія ни князю, ни городу. По нѣкоторымъ сказаніямъ, тотчасъ по выѣздѣ митрополита Богъ ниспослалъ на городъ кару, въ видѣ мора на людей. Юрій утрашился Божіа гнѣва и поспѣшилъ въ слѣдъ за митрополитомъ, котораго догналъ за озеромъ въ селѣ Пасынковѣ⁶⁴²), билъ ему челомъ и со слезами просилъ возвратиться въ городъ. Митрополитъ воротился, благословилъ князя и городъ «и преста великій моръ». Юрій далъ обѣщаніе послать къ великому князю пословъ для заключенія мира. Вскорѣ по отбытіи Фотія, онъ отправилъ въ Москву боярина Бориса Галицкаго и Данила Чешка; миръ dokonчили на томъ, что «кн. Юрію не искати княженія великаго собою, но царемъ»: кого ханъ признаетъ великимъ княземъ, тотъ и будетъ таковымъ⁶⁴³).

Но долго и тотъ и другой откладывали поѣздку въ орду потому ли, что рѣшенія хана мало уже имѣли силы, или потому, что Юрій, не надѣясь одержать верхъ въ борьбѣ съ великимъ княземъ, рѣшился выжидать болѣе счастливаго для себя стеченія обстоятельствъ — неизвѣстно. Трудно было оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, и вотъ, между Василиемъ Васильевичемъ, Андреемъ и Константиномъ Димитріевичами — съ одной стороны, и Юріемъ Димитріевичемъ — съ другой, былъ заключенъ, 11-го марта **1428** г., договоръ, по которому Юрій призналъ себя по отношенію къ племяннику младшимъ братомъ⁶⁴⁴). Этотъ договоръ, впрочемъ, вскорѣ былъ нарушенъ. Въ **1429** г. на Галичъ внезапно напали татары; города они не взяли, но волости опустошили. Чрезъ годъ послѣ того Юрій прислалъ къ великому князю помянутый договоръ вмѣстѣ съ складною грамотой⁶⁴⁵). Соперники порѣшили отправиться въ орду и отдать дѣло на судъ хана. Василий поѣхалъ 15-го августа **1431** г., а Юрій — 8-го сентября. Въ ордѣ князей взяли къ себѣ московскій дорога (дарага или даруга), князь Минбулатъ⁶⁴⁶). Василию оказываема была въ ордѣ великая

642) Нынѣ Сняково. См. Крживоблоцкаго: «Костромская губ.» въ «Матеріалахъ для геогр. и стат. Россіи».

643) П. С. Р. Л. V, 263; VI, 142—143; VIII, 92—93; Никон. 82—85.

644) С. г. г. и д. I, № 43—44.

645) Въ Софійской второй далѣе слѣдуетъ разсказъ о бѣгствѣ Юрія въ Нижній Новгородъ, о чемъ см. прим. 641. С. М. Соловьевъ (Ист. Р. IV, 52) весьма правоподобно указываетъ на причину, по которой именно въ 1430 г. Юрій рѣшился разорвать миръ съ великимъ княземъ, а именно: Софья Витовтовна въ 1427 г. ѣздила къ отцу, которому поручала своего сына и все Московское княжество (для охраненія отъ враговъ); въ 1428 г. Юрій призналъ старшинство Василя по договору. Но въ 1430 г. Витовтъ умеръ, и его мѣсто занялъ Свидригайло, своякъ Юрія. Пользуясь стеченіемъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Юрій и разорвалъ миръ съ Василиемъ.

646) Дорога, дарага или даруга — одинъ изъ высшихъ ордынскихъ чиновъ, которыхъ

честь, а Юрію — «безчестіе и истома велика». Но и у Юрія нашелся добротъ, князь Ширинъ-Тягиня, который силой взялъ его отъ московскаго дороги и ушелъ съ нимъ въ Крымъ на зимовку, обѣщаясь выхлопотать ему великое княженіе. Между тѣмъ, благодаря хитрой лести бывшаго съ великимъ княземъ въ ордѣ боярина Ивана Димитріевича Всеволожскаго, съ которою онъ при переговорахъ обращался къ приближеннымъ хана, возбуждая въ нихъ честолюбіе и зависть къ могуществу Тягини, обстоятельства складывались въ пользу Василя Васильевича. Ханъ настроенъ былъ противъ Тягини. Послѣдній, съ наступленіемъ весны, возвратился съ Юріемъ въ орду. Но Тягиня, узнавши, что ханъ отдалъ приказъ убить его, если онъ рѣшится ходатайствовать о Юріи, не могъ помочь послѣднему. Наконецъ, назначенъ былъ судъ, и изъ этого суда племянникъ Юрія вышелъ побѣдителемъ, благодаря бывшимъ на его сторонѣ князьямъ и мурзамъ, и не менѣе ихъ тому же боярину Всеволожскому. Юрій основывался на старинныхъ понятіяхъ о правахъ престолонаслѣдія и на ложно истолкованномъ имъ завѣщаніи отца своего, а Всеволожскій представлялъ хану, что Василій ищетъ великаго княженія, основываясь не на какихъ бы то ни было правахъ, а на его ханской милости. Великое княженіе отдано было Василю. Мало того: ханъ хотѣлъ будто бы заставить Юрія вести коня подъ Василемъ — унижительный обрядъ, — но Василій не хотѣлъ подвергать дядю такому позору. По ходатайству Тягини Юрій, однако, получилъ, въ придатокъ къ своему удѣлу, выморочный удѣлъ брата своего, Петра († 1428) — Дмитровъ. Изъ орды Юрій пріѣхалъ въ Звенигородъ, а отсюда отправился въ Дмитровъ. Но жить по близости къ Москвѣ онъ опасался, а потому въ томъ же 1432 г. переѣхалъ въ Галичъ, чѣмъ не преминулъ воспользоваться Василій Васильевичъ: онъ выгналъ изъ Дмитрова Юрьевыхъ наместниковъ и взялъ городъ себѣ⁶⁴⁷).

Судъ въ ордѣ и отнятіе великимъ княземъ Дмитрова, конечно, должны

ставили по областямъ, городамъ и селеніямъ не только для сбора податей, но, повидимому, и вообще для административныхъ дѣлъ. По этимологическому производству даруга, какъ и баскакъ, означаетъ давителя. Такъ опредѣляетъ это слово проф. Березинъ въ «Очеркѣ внутр. устр. Улуса Джучіева» (въ «Труд. вост. отд. И. Археол. Общ.», ч. 8-я, стр. 452). Проф. Бѣляевъ въ ст. «О монг. чиновн. на Руси, упомина. въ ханск. ярлыкахъ» («Архивъ» Калачова, кн. 1, отд. I, стр. 102) менѣе ясно опредѣляетъ это слово; онъ говоритъ: «Въ ярлыкахъ Атоляка, Бердибека и Тайдулы говорится о *князьяхъ дорогахъ волостныхъ*: это значить, что князья могли занимать и должности *дорогъ*». Такимъ образомъ Бѣляевъ считаетъ интересующее насъ слово чисто русскимъ, между тѣмъ, какъ Березинъ, болѣе компетентный въ этомъ дѣлѣ, монгольскимъ.

647) П. С. Р. Л. III, 111; IV, 121, 126; V, 264; VI, 143, 148; VIII, 95—97; XV, 489; Никон. V, 98, 108 и 111; Татищ. IV, 504.

были усились вражду между дядей и племянникомъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, еще болѣе усилившее вражду между ними.

Бояринъ Всеволожскій, оказавшій большія услуги Василю въ ордѣ, надѣялся породниться съ великимъ княземъ, въ чемъ будто бы Василій обнадеживалъ его: Всеволожскій прочилъ за Василя дочь свою. Но по приѣздѣ изъ орды въ Москву планы Всеволожскаго рушились. Хотя браки князей съ дочерьми бояръ были въ то время явленіемъ обычнымъ, тѣмъ не менѣе Софья Витовтовна не соглашалась на этотъ бракъ, и Василій обрученъ былъ съ Марьей Ярославной, внучкой Владиміра Андреевича Храбраго. Тогда оскорбленный Всеволожскій отъѣхалъ отъ великаго князя къ дядѣ его Константину Димитріевичу въ Угличъ, отсюда — въ Тверь, а изъ Твери — въ Галичъ. Здѣсь Всеволожскій началъ подговаривать Юрія идти на великаго князя. При тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились дядя и племянникъ, перваго не трудно было поднять на послѣдняго, и Юрій, не медля, приступилъ къ дѣлу. «По думѣ» Всеволожскаго онъ послалъ въ Москву за сыновьями, которые пировали на свадьбѣ великаго князя. Извѣстная исторія съ поясомъ, снятымъ съ Василя Косаго Софьей Витовтовной на свадебномъ пиру, озлобила Юрьевичей до крайности, и они немедленно уѣхали въ Галичъ. Это было въ началѣ февраля 1433 г. ⁶⁴⁸). Между тѣмъ Юрій уже собралъ свои полки и готовился къ походу. Великій князь узналъ о замыслахъ Юрія только тогда, когда послѣдній съ дѣтьми и Всеволожскимъ привели полки свои къ Переяславлю; его извѣщаль о томъ ростовскій намѣстникъ Петръ Константиновичъ. Не имѣя времени изготovitъся къ бою, великій князь послалъ къ Юрію, бывшему въ это время уже въ Троицкомъ монастырѣ, съ предложеніемъ мира, но дядя не хотѣлъ дать мира, а особенно на этомъ настаивалъ Всеволожскій, между которымъ и посланцами великаго князя произошла даже перебранка, были «слова неподобныя». Враги-родичи встрѣтились 25-го апрѣля на р. Клязьмѣ, въ 20 верстахъ отъ Москвы, и здѣсь произошелъ бой. Бой былъ неравный: Василій въ короткое время не могъ собрать достаточнаго количества войскъ; при торопливости набирали много народу изъ простыхъ московскихъ обывателей, пьянствовавшихъ во время похода. Проигравши сраженіе, Василій бѣжалъ чрезъ Москву, откуда захватилъ съ собой мать и жену, въ Тверь, а оттуда — въ Кострому. Юрій занялъ Москву и успѣшилъ заключить договоры съ Иваномъ Андреевичемъ, кн. можайскимъ, и братомъ его Михаиломъ Андреевичемъ, кн. верейскимъ, которыхъ, не задолго передъ тѣмъ, Василій обѣщаль, если добудетъ свою отчину, наградить прибавками къ

648) Ibid. V, 264—265; VIII, 97; Никон. V, 111—112.

ихъ удѣламъ новыхъ волостей. Они цѣловали къ Юрію крестъ на томъ, что имъ «не канчивати безъ него, ни ссылатися съ его братаничемъ, со княземъ съ Васильемъ, ни съ инымъ ни съ кѣмъ, а цѣлованіе къ нему (Василью) сложити и быти съ нимъ (Юріемъ) на него за одинъ и блюсти подъ нимъ и подъ его дѣтми всего его великаго княженя и чѣмъ благословилъ его отецъ и чѣмъ пожаловалъ Богъ и царь». Подобный же договоръ Юрій заключилъ и съ рязанскимъ княземъ Иваномъ Оедоровичемъ. Послѣдній обязывается не ссылатися съ Василюемъ, не принимать въ свою вотчину ни его, ни бояръ, которые ему служатъ, и сложить къ нему крестное цѣлованіе и пр. ⁶⁴⁹).

И такъ, Юрій занялъ Москву. Въ погоню за Василюемъ, къ Костромѣ, онъ послалъ дѣтей своихъ, а потомъ и самъ выступилъ. Василій добилъ дядѣ челомъ. Юрію нельзя было оставить племянника безъ удѣла, а такъ какъ у Василя, какъ великаго князя, особаго удѣла не было, то нужно было выдѣлать ему какой-нибудь городъ изъ великаго княжества. По совѣту любимца своего, боярина Семена Морозова, Юрій назначилъ племяннику въ удѣлъ Коломну, которая постоянно отдавалась великими князьями старшему изъ ихъ сыновей. Дѣти Юрія и бояринъ Всеволожскій возставали противъ такого назначенія, но Юрій привелъ его въ исполненіе. Давши Василю прощальный пиръ, Юрій отпустилъ его, богато одаривши, въ данный ему городъ со всѣми его боярами. По прибытіи въ Коломну, Василій Васильевичъ началъ созывать къ себѣ людей, и къ нему, оставляя Юрія, отовсюду стекались князья, бояре, дворяне и простые люди, потому что, какъ замѣчаетъ одна изъ лѣтописей, «не повыкли галичскимъ княземъ служити». Видя, что отца всѣ оставляютъ, что дѣло ихъ проигрывается, и считая виновникомъ такого оборота дѣлъ боярина Морозова, старшіе сыновья Юрія убили отцовскаго любимца и бѣжали въ Кострому. Оставленный всѣми, Юрій долженъ былъ чувствовать всю непрочность своего положенія, а потому самъ предложилъ Василю возвратиться на великое княженіе. По состоявшемуся между ними мирному договору, Юрій обязывался за себя и за младшаго сына, Дмитрія Краснаго, не принимать къ себѣ старшихъ сыновей своихъ и не оказывать имъ помощи, отдать ханскій ярлыкъ на Дмитровъ, вмѣсто котораго Василій уступалъ ему Сурожикъ, Лучинское, Шепкову, Шачебалъ и Ликурги, нѣкоторыя костромскія волости и Бежецкій Верхъ кромѣ тѣхъ мѣстъ послѣдняго, которыя отданы были Константину Димитріевичу. Признавъ старшинство Василя, Юрій выговорилъ, однако,

649) Ibid. IV, 207; V, 27, 265; VI, 148; VIII, 97; XV, 490; Никон. V, 113—114; С. г. г. и д. I, №№ 46—48.

условіе не садиться на коня, когда племянникъ самъ поведетъ полки, и не давать Василию помощи противъ Литвы, гдѣ княжилъ побратимъ его, Свидригайло ⁶⁵⁰). Изъ Москвы Юрій ушелъ въ Звенигородъ, а отсюда — въ Галичъ.

Въ томъ же **1433** г. Василий Васильевичъ послалъ къ Костромѣ рать свою на старшихъ сыновей Юрія съ воеводой Юріемъ Патрикѣвичемъ: Василий Косой и Димитрій Шемяка вышли съ вятчанами и галичанами; бой произошелъ на берегу р. Куси: Юрьевичи одержали верхъ и даже взяли въ плѣнъ московскаго воеводу ⁶⁵¹). Великій князь узналъ, что въ битвѣ при р. Куси участвовали воеводы Юрія со многими людьми его, а потому рѣшился наказать вѣроломство дяди: зимой **1434** г. онъ пошелъ на Галичъ; Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, и въ его отсутствіе Галичъ былъ взятъ и сожженъ. Василий возвратился домой съ большимъ полономъ. По уходѣ великаго князя, Юрій возвратился въ Галичъ и послалъ за дѣтьми и за вятчанами: онъ готовился къ походу на племянника. Весной полки московскіе и галицкіе встрѣтились между Ростовомъ и Переяславлемъ, у Николю на горѣ. На сторонѣ Юрія были всѣ три сына его, на сторонѣ Василия — Иванъ Андреевичъ можайскій, перешедшій потомъ на сторону враговъ великаго князя. Дядя выигралъ битву (16-го марта), и племянникъ бѣжалъ въ Новгородъ Великій, а отсюда — чрезъ Мологу и Кострому — въ Нижній. Юрій, между тѣмъ, подвигался къ Москвѣ; когда онъ былъ въ Троицкомъ монастырѣ, къ нему присоединился Иванъ можайскій, отступившій отъ великаго князя въ виду опасности — потерять свою отчину. Москва сдалась Юрію, 1-го апрѣля, въ четвергъ на святой недѣлѣ (въ 1434 г. Пасха была 28-го марта): Юрій забралъ казну Василия, плѣнилъ мать и жену его, которыхъ выславъ въ Звенигородъ и Рузу. Василия нельзя было оставить безъ вниманія, и Юрій послалъ на него двухъ младшихъ сыновей своихъ, двухъ Димитріевъ. Василий, нигде не видя помощи, хотѣлъ уже бѣжать въ орду, какъ неожиданное обстоятельство измѣнило весь ходъ дѣла: 5-го іюня, когда Шемяка и Красный были еще только во Владимірѣ, Юрій Димитріевичъ скоропостижно скончался ⁶⁵²).

650) Ibid. V, 265; VI, 148—149; VIII, 97—98; XV, 490; Никон. V, 113—115; Акты Ист. I, № 40; С. г. г. и д. I, № 49—50. По Твер. лѣт. Юрій уступилъ великое княженіе Василию въ 1434 году и уѣхалъ въ Галичъ со всѣми троими сыновьями.

651) Ibid. V, 265; VI, 149; VIII, 98; Никон. V, 115—116.

652) Ibid. III, 111, 141; IV, 121, 208; V, 28, 265—266; VI, 149; VIII, 98—99; XV, 490; Никон. V, 116—117. По Тверской лѣтописи бой былъ 20 марта 1435, а не 1434 года марта 16, какъ передается въ другихъ лѣтописяхъ. Василий прибылъ въ Новгородъ, по однимъ извѣстіямъ, 31 марта, по другимъ — 1-го апрѣля, а выѣхалъ: по однимъ — 23 апрѣля на

Юрій Димитріевичъ, какъ мы видѣли, былъ женатъ (1400 г.) на Анастасіи, дочери Юрія Святославича смоленскаго, умершей въ Звенигородѣ въ 1422 г.⁶⁵³). Отъ этого брака намъ извѣстны три сына его: Василій Косой, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный.

Своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ, по предположенію Карамзина, еще за-долго до своей смерти, Юрій такъ распредѣлилъ свои волости между сыновьями: «вотчину свою въ Москвѣ, свой жеребей» со всѣми пошлинами онъ отдаетъ всѣмъ тремъ «на трое»; въ частности, старшему Василю даетъ Звенигородъ съ волостями, Димитрію Шемякѣ — Рузу съ волостями, Димитрію Красному — Вышегородъ со всѣми пошлинами, селами и деревнями и пр.; кромѣ того каждому далъ по нѣскольку или изъ московскихъ и другихъ селъ, или изъ какихъ-либо московскихъ доходныхъ статей, раздѣливъ между ними Дмитровскія волости, а Дмитровъ и Вятку, дворъ свой (на Москвѣ), садъ за городомъ на посадѣ «да садецъ меньшей» отдаетъ всѣмъ тремъ съ тѣмъ, чтобы они раздѣлили ихъ по-ровну. Галичъ со всѣми волостями отданъ былъ Димитрію Красному. Затѣмъ въ завѣщаніи опредѣлено количество дани съ Звенигорода и Галича, которую потребуется давать великому князю для ордынскаго выхода, и распредѣлено между дѣтьми движимое имущество⁶⁵⁴).

Тверь (Псковскія 1 и 2), по другимъ — 26 апрѣля «къ Москвѣ» (Новгор. 1-я). Новгородская первая спутала хронологию: сказавши о смерти Юрія, она передаетъ послѣдующія событія въ такомъ порядкѣ: 11 апрѣля нареченный архіепископомъ Евемій поѣхалъ въ Смоленскъ на поставленіе къ митрополиту Герасиму, который, на возвратномъ пути изъ Царяграда, задержался въ Смоленскѣ въ виду происходившихъ въ Суздальской землѣ княжескихъ усобицъ; затѣмъ говоритъ о томъ, что Василій поѣхалъ 26 апрѣля къ Москвѣ, куда онъ могъ ѣхать только по смерти Юрія, который скончался, по единогласному свидѣтельству тѣхъ лѣтописей, которыя указываютъ день его кончины, въ началѣ іюня (4 или 5 іюня). Василій былъ въ это время не въ Великомъ Новгородѣ, а — какъ извѣстно изъ нѣкоторыхъ лѣтописей — въ Нижнемъ. Если бы даже и не было извѣстія о пребываніи въ это время Василя въ Нижнемъ Новгородѣ, то можно было бы догадаться объ этомъ уже только по тому, что Шемяка и Красный пошли на Василя изъ Москвы на Владиміръ.

653) Ibid. V, 261, 262; VI, 142; Никон. V, 79—80. Софійская перга, — по разнымъ спискамъ, — говоритъ о смерти Анастасіи и подъ 1418 и подъ 1422, — въ послѣднемъ случаѣ какъ и въ другихъ лѣтописяхъ; но вообще день смерти вездѣ выставляется одинъ и тотъ же — 11 іюля. Очевидно, подъ 1418 г. смерть Анастасіи отмѣчена ошибочно. Никон. лѣтопись подъ однимъ и тѣмъ же (1422) годомъ говоритъ сначала о томъ, что Анастасія была въ Москвѣ, откуда выѣхала за недѣлю до Рождества Хр., а потомъ уже — о смерти ея; первое извѣстіе передается такъ: «Тое жь осени княгини Пастасія Юрьева Димитриевича была у отца своего на Москвѣ, а поиде с Москвы за недѣлю до Рождества Христова». Такъ какъ отецъ Анастасіи умеръ въ 1407 году (П. С. Р. Л. IV, 110; V, 257; VI, 135; VIII, 81), то здѣсь, по всей вѣроятности, подъ «отцемъ своимъ» надобно разумѣть митрополита, который по отношенію ко всѣмъ князьямъ и членамъ ихъ семействъ постоянно называется отцемъ.

654) С. г. г. и д. I, № 51. Біографія Василя Юрьевича Косаго помѣщена въ главѣ о княжествѣ Звенигородскомъ.

Наши историки совершенно справедливо предполагаютъ, что дошедшая до насъ духовная Юрія Димитріевича писана имъ за-долго до его смерти. Въ этомъ убѣждаютъ насъ послѣдующіе договоры великаго князя съ Юрьевичами. Такъ, въ договорѣ Василя Васильевича съ Шемякой, заключенномъ вскорѣ послѣ бѣгства Василя Косаго изъ Москвы, великій князь говоритъ: «И жаловати ми тебя (Шемяку) и печаловатися тобою и твоею отчиною, *чемъ благословилъ тебя твой отецъ князь Юрьи Димитреевичъ* своею отчиною, города и волостями, и селы, *Галичемъ, и Рузою и Вышегородомъ*» и пр. Мы видѣли, что по вышеприведенной духовной Юрія Галичь и Вышегородъ давались Димитрію Красному⁶⁵⁵). Такимъ образомъ надобно признать, что болѣе поздняя духовная Юрія Димитріевича до насъ не дошла. Мало того: мы не можемъ совершенно ясно и опредѣлительно сказать, кто — по смерти Юрія Димитріевича — изъ сыновей его владѣлъ какими волостями?... Дѣло въ томъ, что — какъ видно изъ договорныхъ грамотъ — дѣти Юрія (младшіе — два Димитрія), получая удѣлы по завѣщанію отца, получали еще пожалованія отъ великаго князя, которыя они *по своимъ дѣловымъ грамотамъ* дѣлили между собою. Эти «дѣловыя» грамоты до насъ не дошли⁶⁵⁶), а потому весьма трудно опредѣлить — по крайней мѣрѣ относительно младшихъ сыновей Юрія — кто изъ нихъ и чѣмъ владѣлъ послѣ бѣгства Василя Косаго изъ Москвы? Притомъ, въ однихъ договорахъ, при перечисленіи принадлежащихъ или пожалованныхъ Юрьевичамъ волостей, выступаетъ на сцену одинъ Шемяка, въ другихъ — онъ же вмѣстѣ съ младшимъ братомъ. Въ одной изъ договорныхъ грамотъ говорится: «жаловати ми (великому князю) тебя (Шемяку)... чѣмъ благословилъ тебя твой отецъ князь Юрьи Димитріевичъ своею отчиною... Галичемъ и Рузою и Вышегородомъ... такъ же и тѣмъ, чѣмъ, брате, язъ тебя пожаловалъ, далъ ти еси... Ржеву и Угличе» (удѣлъ Константина Димитріевича). Въ другой, позднѣйшей грамотѣ, говорится: «далъ еси *намъ* (Юрьевичамъ) въ вотчину удѣлъ дяди нашего княжъ Костянтиновъ Димитріевича, Ржеву и Угliche» и пр. Такимъ образомъ у младшихъ Юрьевичей, по договорамъ, заключеннымъ съ ними великимъ княземъ послѣ бѣгства Василя Косаго изъ Москвы, были во владѣніи: Галичь, Руза, Вышегородъ, Ржева и Угличь съ волостями. Звенигородъ, принадлежавшій Василю Косому, великій князь взялъ за себя; Вятку — также. Кромѣ того

655) Ibid. №№ 52, 53.

656) Подъ *дѣловыми* грамотами мы понимаемъ грамоты о *дѣлежѣ* чего бы то ни было. Въ данномъ случаѣ приводимъ здѣсь упоминаніе объ этихъ грамотахъ изъ договора Темнаго съ Шемякой, относимаго къ 1484 г. См. С. г. г. и д. I, № 52.

великій князь далъ Юрьевичамъ въ Московскомъ уѣздѣ села: Зарадылье, Сохну и др. «опричь году московского и пошлинь московскихъ»; но въ послѣдующихъ договорахъ и эти доходныя статьи опять получаютъ Юрьевичи. Въ 1440 г. великій князь подтверждаетъ за Юрьевичами часть Бѣжецкаго Верха, которая принадлежала ему: «а Бѣжицкий вы верхъ держати по старинѣ съ Новымъ городомъ»⁶⁵⁷). Но, повторимъ опять, мы опредѣлительно не можемъ сказать, кто изъ младшихъ Юрьевичей и чѣмъ именно владѣлъ по ихъ «дѣловымъ грамотамъ».

Обратимся къ послѣдующимъ за Юриемъ Дмитриевичемъ галицкимъ князьямъ.

Димитрій Юрьевичъ Шемяка.

1420 † 1453.

Димитрій Юрьевичъ, какъ и старшій братъ его Василій Косой, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ только съ 1433 г. Въ этомъ году Димитрій пероваль въ Москвѣ на свадьбѣ великаго князя и былъ свидѣтелемъ извѣстной сцены, происшедшей между старшимъ братомъ его и матерью великаго князя, Софьей Витовтовной, изъ-за драгоцѣннаго пояса. Оскорбленные Юрьевичи бѣжали изъ Москвы въ Галичъ, по пути заѣхали въ Ярославль, разграбили городъ и похитили «казны всѣхъ князей» ярославскихъ. Въ послѣдующихъ враждебныхъ столкновенияхъ отца своего съ великимъ княземъ онъ также принималъ дѣятельное участіе: ходилъ съ нимъ на Василя Васильевича; по занятіи Юриемъ Москвы, участвовалъ въ договорѣ послѣдняго съ князьями: можайскимъ, верейскимъ и рязанскимъ; участвовалъ въ битвѣ на р. Куси, гдѣ Юрьевичи одержали верхъ надъ московскими полками⁶⁵⁸).

Когда Василій Васильевичъ (послѣ того какъ Юрій уступилъ ему великокняжескій столъ и обязался не принимать къ себѣ старшихъ сыновей своихъ и не помогать имъ) узналъ, что, въ противность договору, воеводы и многіе люди Юрія участвовали въ битвѣ при р. Куси, онъ выступилъ въ походъ противъ дяди. Галичъ былъ взятъ и сожженъ Васи-

657) С. г. г. и д. I, №№ 52—60.

658) П. С. Р. Л. V, 265; VI, 148—149; VIII, 97—98; XV, 490; Никон. V, 113—117. См. также прим. 648 и 649 и текстъ къ нимъ.

ліемъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, происшедшихъ между дядей и племянникомъ, Юрьевичи принимали дѣятельное участіе: Димитрій, по порученію отца, ходилъ за вятчанами, участвовалъ въ пораженіи великаго князя въ Ростовской области; потомъ, когда великій князь изъ Новгорода Великаго перебрался въ Нижній, Шемяка, по порученію отца, повелъ на него изъ Москвы рати вмѣстѣ съ младшимъ братомъ. Юрьевичи еще были только во Владимірѣ, какъ до нихъ дошла вѣсть о внезапной кончинѣ отца ихъ и занятіи великокняжескаго стола братомъ ихъ, Василюемъ Косымъ. Вскорѣ послѣдній и самъ послалъ къ своимъ братьямъ извѣстіе о кончинѣ отца, о своемъ здоровьѣ и вокняженіи. Младшіе братья отвѣчали старшему: «Если Богъ не захотѣлъ, чтобы княжилъ нашъ отецъ, то тебя-то мы и сами не хотимъ». Затѣмъ младшіе Юрьевичи пригласили Василя Васильевича на великокняжескій столъ и вмѣстѣ съ нимъ заставили Косаго бѣжать изъ Москвы⁶⁵⁹).

По занятіи великокняжескаго стола, Василій Васильевичъ заключилъ съ Шемякой договоръ, по которому Юрьевичъ обязывается держать подъ великимъ княземъ его великое княженіе честно и грозно, не вступаться въ удѣлъ Петра Димитріевича, въ г. Дмитровъ, въ Звенигородъ, взятый великимъ княземъ у Василя Косаго, а также въ Вятку. Съ своей стороны великій князь обѣщается держать Димитрія въ братствѣ и чести безъ обиды, какъ держалъ отецъ его, Василій Димитріевичъ, своего младшаго брата, Юрія Димитріевича; печаловаться отчиною его, чѣмъ благословилъ его отецъ его, Юрій Димитріевичъ: «города и волостми и селы, Галичемъ и Рузою и Вышегородомъ и съ волостми и съ путми и съ селы»; печалуется и тѣмъ, что самъ пожаловалъ Шемякѣ, а пожаловалъ оны: «Ржеву и Угличе и съ волостми и съ селы, и со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за княземъ за Костянтиномъ за Дмитреевичемъ; такъ же и въ Московскомъ уѣздѣ села: Зарадылье, Сохна, Раменейпо, Осташевьскыя деревни, Шукинское, опрочѣ году московского и пошлинь московскихъ; такъ же, брате, и Сурожыкъ и Шопкова и Лучинское и костромьскихъ волостей Корега, по дѣловымъ по вашимъ грамотамъ, какъ ся есте подѣлили съ своимъ братомъ со княземъ съ Дмитріемъ съ меньшимъ. . .»⁶⁶⁰).

Выше мы говорили, что трудно опредѣлительно сказать, какъ Юрьевичи подѣлили между собою отчину свою и пожалованія великаго князя, такъ какъ ихъ «дѣловыя грамоты» (граматы о дѣлежѣ) не дошли до насъ.

659) Ibid. V, 28, 265—266; VI, 149; VIII, 98—99; Никон. V, 117—118; С. г. г. и д. I, №№ 49—50.

660) С. г. г. и д. I, №№ 52—55.

По этому не лишнимъ считаемъ привести изъ того же договора одно мѣсто, проливающее нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Вотъ это мѣсто: «А что, брате, еще въ целованіи будучи со мною, не додалъ ми еси въ выходы серебра и въ ординьскыя проторы, и што есмь посылалъ киличѣвъ своихъ ко царемъ хъ Кичимъ-Ахметю и къ Сиди-Ахметю, а то ти мнѣ, брате, отдати по розочту, по сему нашему докончанью. А что есмь, брате, на твоей отчинѣ на Рузѣ и на Вышегородѣ взялъ дань, и меня тое дани дошло четырѣ ста рублевъ и дватцать рублевъ, а то ми тебѣ, своему брату, завести по розочту, а досталь ти мнѣ отдати». Несомнѣнно, здѣсь говорится о времени, предшествовавшемъ смерти Юрія Димитріевича. Такимъ образомъ отсюда мы заключаемъ, что Юрьевичи, еще при жизни отца, владѣли извѣстными волостями, и, между прочимъ, Шемяка владѣлъ Рузой и Вышегородомъ.

Василій Косой бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ. Но вскорѣ онъ выѣхалъ оттуда съ намѣреніемъ идти войной на великаго князя. Проигравъ битву на берегу р. Которосли, Косой бѣжалъ въ Кашинъ, а отсюда устремился на Вологду. Во второй разъ враги встрѣтились у Ипатьевского монастыря между рр. Волгой и Костромой. Рѣка мѣшала имъ вступить въ бой, и они примирились: по договору Василій Косой получилъ въ удѣлъ Дмитровъ. Проживши мѣсяцъ въ Дмитровѣ, онъ ушелъ въ Кострому, пославши великому князю разметныя грамоты. Дождавшись въ Костромѣ установки зимняго пути, Василій Юрьевичъ перебрался къ брату, въ Галичъ, а отсюда пошелъ къ Устюгу. Сюда пришли къ нему и вятчане. Устюжскую крѣпость Косой взялъ на извѣстныхъ условіяхъ (силой не могъ взять), но не соблюлъ ихъ: убилъ московскаго воеводу кн. Оболенскаго, повѣсилъ десятильника ростовскаго владыки, перебилъ и перевѣшалъ многихъ гражданъ. Въ это время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу: Юрьевичъ собирался жениться на дочери Димитрія Васильевича, князя заозерскаго. Великій князь подозрѣвалъ Шемяку, какъ соучастника въ замыслахъ Косаго. Дѣйствительно, дворъ Шемяки находился въ то время при Косомъ, и подозрѣнія Василя Васильевича, такимъ образомъ, имѣли нѣкоторое основаніе. Василій Васильевичъ приказалъ схватить Шемяку и въ оковахъ отправить въ Коломну; но при выступленіи на встрѣчу Косому великій князь приказалъ освободить его отъ оковъ и «быти ему простому на Коломнѣ», конечно, безвыѣздно и подъ надзоромъ приставовъ. Возвратившись изъ похода, Василій Васильевичъ послалъ въ Коломну за Шемякой и «пожаловалъ его». Тогда же между двоюродными братьями былъ заключенъ договоръ, или — лучше сказать — подтвержденъ

былъ прежній договоръ, по которому великій князь удерживаетъ за собой Дмитровъ и Звенигородъ, а Шемяка, кромѣ Галицкаго удѣла, владѣть Ржевомъ и Угличемъ ⁶⁶¹).

Въ **1437** г. ханъ Улу-Махметъ выгнанъ былъ изъ улусовъ своихъ братомъ своимъ, Кичи-Махметомъ. Изгнанникъ, ища убѣжища, поселился на русской границѣ, въ г. Бѣлевѣ. Василій требовалъ, чтобы ханъ удалился отъ границы; но такъ какъ послѣдній не хотѣлъ исполнить этого требованія, то великій князь рѣшился прогнать его силой. Въ походъ противъ хана назначены были Юрьевичи, Шемяка и Красный. Но эти князья прошли до Бѣлева не какъ вожди, а скорѣе какъ грабители: по пути они все предавали огню и мечу, забирая добычу, не щадя ни своихъ, ни чужихъ, — словомъ, по выраженію лѣтописи: «все пограбиша и неподобнаа и сквернаа дѣяху». Самонадѣянность вождей была причиной того, что они съ позоромъ бѣжали отъ Улу-Махмета, преслѣдуемые его немногочисленнымъ войскомъ ⁶⁶²). Это было уже въ **1438** г.

Событія слѣдующихъ двухъ годовъ представляются нѣсколько неясными и неопредѣленными. Въ началѣ іюля **1439** г. на Москву напалъ ханъ Улу-Махметъ ⁶⁶³). Какъ видно изъ посланія духовенства къ Шемякѣ ⁶⁶⁴), великій князь требовалъ отъ послѣдняго, но не получилъ помощи. Къ слѣдующему **1440** г. къ 24-му іюня относится договоръ великаго князя съ Шемякой; въ этомъ договорѣ, между прочимъ, говорится: «также и нынѣча что будете взяли (Юрьевичи) на Москвѣ нынѣшнимъ приходомъ у меня и у моее матери, и у моихъ князей, и у бояръ моихъ, и у дѣтей у боярскихъ, и что будетъ у васъ, и вамъ то отдати». Этотъ «приходъ» Юрьевичей (конечно, подъ Москву), само собою разумѣется, былъ ранѣе 24-го іюня **1440** г. и слѣдовательно состоялся вскорѣ послѣ похода Юрьевичей на Улу-Махмета. Далѣе: подъ **1442** г. встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о походѣ Василя Васильевича на Шемяку, который бѣжалъ въ Новгородъ, не надѣясь на свои силы, а потомъ самъ наступаетъ на Москву и, при посредствѣ троицкаго игумена Зиновія, примиряется съ великимъ

661) П. С. Р.-Л. V, 266—267; VIII, 99—100; Никон. V, 121; С. г. г. и д. I, №№ 52—59 Акты Арх. Эксп. I, № 29; Акты Ист. I, № 40.

662) Ibid. V, 267; VI, 150; VIII, 107; Никон. V, 125 (подъ 1438 г.). Улу-Махметъ, судя по нѣкоторымъ частностямъ, встрѣчаемымъ въ лѣтописяхъ, которые передаютъ этотъ эпизодъ, поселился не въ самомъ Бѣлевѣ, а близь его, на р. Бѣлевѣ, какъ говоритъ Софійская 2-я: «постави себѣ городъ на рѣцѣ на Бѣлевѣ, отъ хвастіа себѣ исплетъ и снѣгомъ посыпа и водою поли и смерзся крѣпко, и хотѣ ту зимовати». О походѣ подъ Бѣлевъ см. въ I т. стр. 163 и слѣд.

663) Ibid. VI, 169; VIII, 107; Никон. V, 136.

664) Акты Ист. I, № 40.

княземъ. Такимъ образомъ, о приходѣ Юрьевичей подъ Москву въ 1440 г. мы не имѣемъ лѣтописныхъ свѣдѣній, и нѣкоторые⁶⁶⁵) ставятъ, по этому случаю, вопросъ: не есть ли непріятельскій приходъ Юрьевичей подъ Москву въ 1440 г., извѣстный намъ по оффиціальному документу, тотъ же самый, о которомъ лѣтописи говорятъ подъ 1442 г.? Въ такомъ случаѣ порядокъ событийъ будетъ слѣдующій: въ 1439 г. Улу-Махметъ осаждалъ Москву; Василий требовалъ, но не получилъ помощи отъ Шемяки; за это великій князь пошелъ ратью на Юрьевича, который бѣжалъ въ Новгородъ, а потомъ самъ явился подъ Москвою и заключилъ миръ. Какъ бы то ни было, а походъ Василя Васильевича на Димитрія Юрьевича передается въ лѣтописяхъ такъ. Великій князь «взверже нелюбіе» на Шемяку, или — какъ въ другой лѣтописи говорится — «роскынулъ съ Шемякою» — и выступилъ противъ него къ Угличу. Юрьевичъ бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ «и много волостямъ пакости сътвори»; потомъ отправилъ въ Новгородъ посла сказать новгородцамъ: «что бы мя есте пріяли на своей волѣ». Новгородцы отвѣчали: «хощь, княже, и ты къ намъ поѣди; а не въсхощь, ино какъ тебѣ любо»⁶⁶⁶). Послѣ или до помянутаго посольства Шемяки въ Новгородъ (въ лѣтописяхъ это не довольно ясно передается) Юрьевичъ съ кн. Александромъ Черторижскимъ доходилъ едва не до самой Москвы; но (двоюродныхъ) братьевъ примирилъ троицкій игумень Зиновій⁶⁶⁷).

Это примиреніе, какъ показываютъ послѣдующія событія, было не-

665) С. М. Соловьевъ: «Ист. Р.», IV, 61.

666) Въ Никон. лѣт. (V, 157) факты передаются въ такомъ порядкѣ: Василий идетъ къ Угличу на Шемяку; послѣдній бѣжитъ въ Бѣжецкій Верхъ, а Василий возвращается въ Москву; между тѣмъ Шемяка съ кн. Александромъ Черторижскимъ едва не подступилъ къ самой Москвѣ. Враговъ примирилъ троицкій игумень Зиновій. Осенью въ Москвѣ былъ пожаръ. Зимой Шемяка, боясь великаго князя, послалъ въ Новгородъ спросить, примутъ ли его новгородцы «на своей ихъ волѣ». Отвѣтъ такой же, какъ и въ другихъ лѣтописяхъ.

667) П. С. Р. Л. III, 113; IV, 123; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Никон. V, 157. Въ Новгородской первой такъ передаются событія: Шемяка бѣжалъ отъ Василя въ Бѣжецкій Верхъ и «много... пакости сътвори»; затѣмъ отправилъ посла въ Новгородъ съ извѣстнымъ предложеніемъ, — но о походѣ Шемяки съ Черторижскимъ къ Москвѣ ничего не говорится. Въ другихъ лѣтописяхъ (кромя Никон., см. пр. 666) это такъ передается: Шемяка бѣжалъ отъ Василя въ Бѣжецкій Верхъ; потомъ пошелъ съ Черторижскимъ къ Москвѣ, но братьевъ примирилъ игумень Зиновій. О посольствѣ же Шемяки въ Новгородъ ничего не говорится. Карамзинъ (V, 174) и Татищевъ (IV, 549) въ такомъ порядкѣ передаютъ эти событія: осенью Василий пошелъ къ Угличу, а Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ; между тѣмъ какъ великій князь возвратился въ Москву, Шемяка съ Черторижскимъ пошли на Василя, но ихъ примирилъ игумень Зиновій. Шемяка, боясь великаго князя, зимой того-же года послалъ въ Новгородъ съ извѣстнымъ предложеніемъ и получилъ извѣстный отвѣтъ. Къ этому Карамзинъ добавляетъ, что Шемяка остался въ своемъ удѣлѣ или потому, что ему не понравился отвѣтъ новгородцевъ, или потому, что тогдашнія обстоятельства Новгорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища.

искренне со стороны Шемяки: онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы занять великокняжескій столъ, и такой случай года черезъ три представился.

Въ 1445 г. Улу-Махметъ напалъ на Нижній Новгородъ и занялъ старый городъ. Отсюда онъ направился къ Мурому. Въ началѣ января великій князь выступилъ въ походъ; съ нимъ шли также князья: Димитрій Шемяка, Иванъ Андреевичъ можайскій, братъ его Михаилъ Андреевичъ верейскій и Василий Ярославичъ боровско-серпуховскій. Махметъ бѣжалъ, но въ томъ же году весной послалъ на Суздальскую область сыновей своихъ, Мамутека и Ягуба. Въ июнѣ великій князь выступилъ противъ нихъ; съ нимъ пошли опять князья: можайскій, верейскій и Василий Ярославичъ боровско-серпуховскій; но Шемяка, въ противность договору, ни самъ не пошелъ, ни полковъ своихъ не послалъ, не смотря на то, что за нимъ посылали нѣсколько разъ. Бой подъ Суздальемъ, близъ Евѣиміева монастыря, кончился полнымъ пораженіемъ русскихъ; самъ великій князь взятъ былъ въ плѣнъ. Татары, мимо Владиміра и Муромъ, прошли къ Нижнему Новгороду, откуда Махметъ со всей ордой своей пошелъ къ Курмышу, отправивъ къ Шемякѣ посла Бегича. Юрьевичъ принялъ ханскаго посла съ великимъ почетомъ, такъ какъ видѣлъ, что благоприятное время для достиженія намѣченной имъ цѣли наступило. Онъ отпустилъ Бегича «съ всѣмъ лихомъ на великаго князя» и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ Улу-Махмету своего посла, дьяка Федора Дубенскаго, которому поручено было всѣми мѣрами стараться о томъ, чтобы великій князь не былъ выпущенъ изъ плѣна. Кажется, Махметъ отправлялъ посла къ Шемякѣ съ тѣмъ, чтобы разузнать, отъ кого можно болѣе получить за великокняжескій столъ, который въ это время находился, можно сказать, въ полномъ его распоряженіи. Но должно быть Махметъ нетерпѣливо желалъ поскорѣе покончить это дѣло: между тѣмъ какъ его и Шемякинъ послы были уже въ Муромѣ, ему вообразилось, что Бегичъ убитъ Шемякой и что ждать возвращенія его не придется, а потому вступилъ въ сдѣлку съ Василиемъ и на извѣстныхъ условіяхъ отпустилъ его ⁶⁶⁸).

Между тѣмъ Бегичъ и посолъ Шемяки, выѣхавши изъ Муромъ, узнали на дорогѣ, что великій князь выпущенъ изъ плѣна и той же дорогой идетъ въ Москву. Послы вернулись назадъ, въ Муромъ, гдѣ кн. Василий Ивановичъ Оболенскій схватилъ Бегича и заковалъ его. Услышавъ объ этомъ, Шемяка бѣжалъ въ Угличъ. Это было уже въ 1446 г. Теперь Шемяка,

668) Ibid. VI, 171—172; VIII, 112—114; Никон. V, 200; Акты Ист. I, № 40. Ср. соответственные мѣста изъ біографіи Василія Темнаго въ I т.

для достиженія своей цѣли, пустилъ ложный слухъ о томъ, что Василій выпущенъ изъ плѣна съ условіемъ, чтобы ему княжить въ Твери, а на великомъ и другихъ русскихъ княженіяхъ — хану. Этому слуху могли придавать вѣру тѣмъ болѣе, что многіе были недовольны приходомъ множества татаръ, вышедшихъ изъ Улу-Махметовой орды вмѣстѣ съ Василюмъ; кромѣ того, народъ могъ быть недоволенъ отъ тягости податей, усиленныхъ для уплаты хану окупа. При помощи этого ложнаго слуха Шемяка втягивалъ въ свои интересы Бориса тверскаго и Ивана можайскаго. У послѣдняго прежде были неудовольствія съ великимъ княземъ, но въ 1445 г. іюля 17-го ⁶⁶⁹⁾ между можайскими князьями и Василюмъ Васильевичемъ состоялся договоръ, по которому великій князь давалъ Ивану можайскому Козельскъ съ волостями, и кн. Иванъ не имѣлъ причинъ жаловаться на великаго князя. Но выдумка Шемяки удалась: вѣрили или нѣтъ этой выдумкѣ тверскій и можайскій князья, но они стали на сторону Шемяки. Въ Москвѣ также много было недовольныхъ великимъ княземъ; въ числѣ ихъ были бояре, гости и даже чернецы. Главнымъ изъ московскихъ недовольныхъ былъ какой-то Иванъ Старковъ. Около Шемяки, болѣе важными помощниками его, были какіе-то Константиновичи, изъ которыхъ особенно выдается Никита Константиновичъ ⁶⁷⁰⁾. Брагамъ Василюмъ нужно было выжидать благопріятнаго случая для приведенія своихъ замысловъ въ исполненіе, и случай такой скоро представился.

Въ началѣ февраля 1446 г. Василій Васильевичъ собрался съ своими дѣтьми, Иваномъ и Юріемъ, въ Троицкій монастырь на богомолье. Московскіе единомышленники Шемяки давали послѣдному и его сообщникамъ знать «по вся дни», что дѣлается въ Москвѣ. Узнавши этимъ путемъ объ отъѣздѣ великаго князя къ Троицѣ, Шемяка и Иванъ можайскій соединились въ Рузѣ и 12-го февраля подступили къ Москвѣ, въ которую вошли при помощи тѣхъ же единомышленниковъ своихъ. Василій схваченъ былъ у Троицы кн. можайскимъ, привезенъ въ Москву и 16-го февраля ослѣпленъ. При этомъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Василюмъ ставилось въ вину, зачѣмъ онъ привелъ татаръ на Русь и отдалъ имъ въ кормленіе города и волости; обвиняли также въ томъ, что онъ чрезъ мѣру любитъ татаръ и рѣчь ихъ,

669) С. г. г. и д. I, № 61. Василій Васильевичъ и Михаилъ Андреевичъ верейскій находились въ это время въ плѣну; въ такомъ случаѣ надобно предположить, что отъ имени Ивана Андреевича можайскаго велъ переговоры братъ его Михаилъ. См. Соловьева «Ист. Р.», IV, пр. 78.

670) П. С. Р. I. V, 268; VI, 172—173; VIII, 114—115; Ник. V, 201. Относительно участія тверскаго князя въ козняхъ Димитрія Шемяки является, впрочемъ, сомнѣніе, о чемъ см. въ 1 т. стр. 171 и прим. 372.

а христіанъ томить безъ милости; золото, серебро отдастъ татарамъ; спрашивали, наконецъ, зачѣмъ онъ ослѣпилъ кн. Василия Юрьевича. Затѣмъ, ослѣпленный великій князь вмѣстѣ съ женой сосланъ былъ въ Угличъ, а мать его, Софья Витовтовна, отправлена въ Чухлому. И такъ, Шемяка достигъ своей цѣли: сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Но положеніе его было непрочно. Хотя въ Москвѣ и много было недоброжелателей Василия, но это было, сравнительно, меньшинство: симпатіи большинства были на сторонѣ князя-слѣпца, какъ законнаго государя. Безправно занявши великокняжескій столъ, Шемяка и держаться долженъ былъ на немъ средствами безправными, уступками своимъ пособникамъ, потячкой чиновникамъ и пр. Можетъ быть, къ этому-то времени и относится появленіе въ народѣ пословицы о неправомъ судѣ, какъ о судѣ Шемякиномъ. Если своимъ пособникамъ Шемяка дѣлалъ уступки, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ уступать предъ бѣльшей силой. Вскорѣ по занятіи Москвы, онъ «присла поклонщники въ Новгородъ»; новгородцы отправили къ нему посадниковъ Федора и Василия, «и князь Дмитрій крестъ цѣлова на всѣхъ старинахъ». Московскіе жители хотя и цѣловали къ нему крестъ, но не всѣ, и притомъ многіе на Шемяку не только «негодоваху о княженіи его», но и «на самого мысляху». Шуринъ великаго князя, Василій Ярославичъ, и кн. Семень Ивановичъ Оболенскій бѣжали въ Литву; кромѣ того, дѣти Василия спаслись отъ плѣна и съ князьями Ряполовскими засѣли и укрѣпились въ Муромѣ; Борисъ тверскій какъ будто также подозрительно относился къ Шемякѣ: новгородскихъ посадниковъ, ходившихъ къ Шемякѣ, онъ держалъ «на опасѣ» четыре мѣсяца и тогда только отпустилъ ихъ. Все это должно было сильно тревожить Шемяку, особенно дѣти Василия, противъ которыхъ, въ виду замѣтнаго въ народѣ ропота, онъ не могъ употребить силу. Но такъ или иначе ему нужно было отдѣлаться отъ этихъ претендентовъ, и онъ нашелъ средство. Призвавъ рязанскаго епископа Іону, которому обѣщалъ дать митрополію, онъ поручилъ ему отправиться въ Муромъ и взять «на свой паграхѣлъ» дѣтей Василия, обѣщая дать имъ и отцу ихъ удѣлъ. Владыка успѣшно исполнилъ порученіе; но Шемяка, ласково принявши и одаривши племянниковъ, все-таки отправилъ ихъ съ тѣмъ же владыкой въ Угличъ, въ заточеніе. Этотъ поступокъ Шемяки вооружилъ противъ него многихъ и въ особенности князей Ряполовскихъ, сдавшихъ дѣтей Василия владыкѣ Іонѣ, также кн. Ивана Стригу-Оболенскаго, брата его Бобра и др., которые, поэтому, рѣшились высвободить Василия изъ Углича. Но о заговорѣ ихъ Шемяка узналъ, и они вынуждены были удалиться въ Литву. Это было уже въ 1447 г. Шемяка чувствовалъ, что почва подъ нимъ сильно колеблется, и на совѣтѣ съ Иваномъ можайскимъ и владыками, изъ которыхъ Іона по-

стоянно напоминаль ему о коварномъ поступкѣ его съ дѣтьми Василия, рѣшился освободить царственнаго узника и дать ему удѣль⁶⁷¹⁾. Въ томъ же 1447 г., въ сопровожденіи епископовъ, игуменовъ и пресвитеровъ, Шемяка поѣхалъ въ Угличь. Освобожденный Василій, присягнувъ Димитрію, отъ котораго получилъ въ удѣль Вологду, далъ проклятыя (клятвенныя) грамоты — не искать подъ Шемякой великаго княженія. Въ заключеніе Юрьевичъ далъ Василию прощальный пирь, одарилъ его и его семейство и отпустилъ въ данный ему удѣль. Кажется, Василій и его приверженцы только и ждали этой свободы, чтобы возвратить великокняжескій столъ; по крайней мѣрѣ, послѣдующія обстоятельства и нѣкоторые на этотъ счетъ намеки лѣтописей утверждаютъ насъ въ этомъ предположеніи, особенно по отношенію къ самому Василию: приверженцы послѣдняго еще раньше хлопотали объ освобожденіи великаго князя. Говоря о томъ, что Василій, не долго побывши въ Вологдѣ, надумалъ отправиться въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, лѣтописецъ такъ иллюстрируетъ это желаніе великаго князя: *«творяся тамо сущую братію накормити и милостыню дати»*. Для успокоенія столько же своей, сколько и народной совѣсти, Василию нужно было, такъ сказать, санкціонировать клятвопреступленіе, такъ какъ онъ хотѣлъ избавиться отъ бремени данныхъ имъ Шемякѣ проклятыхъ грамотъ. Кирилло-бѣлозерскій игумень Трифонъ успокоилъ его совѣсть, взявъ тотъ грѣхъ на себя и на монастырскую братію, вслѣдствіе чего на сторону Василия стало переходить множество народу. Василій снесся съ тверскимъ княземъ Борисомъ, который обѣщалъ дать ему помощь подъ условіемъ, что сынъ его, Василія, женится на его, Борисовой, дочери. Изъ Твери Василій пошелъ къ Москвѣ. Шемяка съ Иваномъ Можайскимъ вышелъ на встрѣчу своему сопернику къ Волоку, а Москва, въ его отсутствіе, занята была бояриномъ Василіемъ, Михаиломъ Борисовичемъ Плещеевымъ, который, подступивъ къ столицѣ въ ночь на Рождество Христова, воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что Никольскія ворота, послѣ проѣзда въ нихъ вдовы Василия Владиміровича углицкаго, Уляяны, къ заутренѣ, остались не запертыми. Плещеевъ, съ небольшимъ отрядомъ, ворвался черезъ эти ворота въ Кремль; приверженцы Шемяки были переловлены и ограблены, а жители дѣловали крестъ Василию. Шемяка, видя, что, съ одной стороны, на него идетъ Василій, съ другой — его приверженцы изъ Литвы; видя, наконецъ, что Москва взята, бѣжалъ въ Галичъ, потомъ въ Чухлому, а отсюда, захва-

671) Ibid. III, 141; IV, 125—126 (о взятіи въ плѣнъ Василия подъ 1447 г.), 213; V, 268—269; VI, 173—176, 277; VIII, 115, 117—119; Никон. V, 202—209; Соловьевъ: «Ист. Р.» IV, 70.

тивши здѣсь Софью Витовтовну, пустился въ Каргополь. Преслѣдуя Шемяку, Василій взялъ Угличъ, гдѣ соединился съ пришедшимъ изъ Литвы Василіемъ Ярославичемъ боровско-серпуховскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Ярославлю, откуда послалъ къ Шемакѣ съ предложеніемъ отпустить мать его, Софью Витовтовну. Находя бесполезнымъ держать при себѣ тетку, Шемяка отпустилъ ее съ бояриномъ своимъ Сабуровымъ, который со всѣми товарищами своими добилъ челомъ великому князю о принятіи ихъ въ службу ⁶⁷²).

Кажется, около этого времени Шемяка заключилъ договоръ съ князьями суздальскими, Василіемъ и Ѳедоромъ Юрьевичами, внуками Василія Кирдяпы. По приобрѣтеніи великокняжескаго стола, Димитрій Юрьевичъ отдалъ главному пособнику своему, кн. Ивану можайскому, Суздаль ⁶⁷³). Но когда Василій опять возвратилъ свое наслѣдіе, Шемяка все-таки разсчитывалъ на великое княженіе. По помянутому договору онъ обязался, *когда Богъ дастъ ему достать свою отчину, великое княженіе*, возвратитъ князьямъ суздальскимъ Суздаль, отобравъ его у Ивана Андреевича можайскаго, также Нижній Новгородъ, Городецъ и даже Вятку. Василій Юрьевичъ, по договору, становился по отношенію къ Шемакѣ сыномъ, а къ сыну Шемяки братомъ равнымъ, слѣдовательно, по смерти послѣдняго, имѣлъ одинаковое право съ Шемячищемъ на великокняжескій столъ. Братья выговорили себѣ право непосредственнаго сношенія съ ордой; обѣ стороны обязались, безъ обоюднаго согласія, не сноситься съ Василіемъ Васильевичемъ; въ остальныхъ пунктахъ этотъ договоръ почти ничѣмъ не отличается отъ другихъ такого же рода договоровъ ⁶⁷⁴).

Мы сказали, что Василій Васильевичъ отправилъ посла къ Шемякѣ съ предложеніемъ — отпустить Софью Витовтовну, послѣ чего возвратился въ Москву (17-го февраля 1448 г.). Шемяка на думѣ съ своими боярами на-

672) Ibid. IV, 126, 131, 146; V, 269; VI, 176—178; VIII, 119—121; XV, 492—493; Ник. V, 210—213; Архангел. 153; въ Львов. лѣтоп. III, 342, сказано, что Василій далъ согласіе на бракъ сына своего съ тверской княжной «неволею». См. 372 примѣчаніе въ 1 томѣ.

673) Соловьевъ: «Ист. Р.» IV, 75.

674) С. г. г. и д. I, № 62. Фраза этого договора — когда Богъ дастъ Шемякѣ достать свою отчину, великое княженіе — заставляетъ думать, что договоръ этотъ состоялся послѣ занятія Василіемъ Москвы. Изъ той же фразы можно было бы вывести и другое предположеніе, что договоръ могъ быть заключенъ вскорѣ послѣ суздальскаго боя, когда великій князь взять былъ въ плѣнъ и когда Шемяка видѣлъ возможность занять великое княженіе. Но то обстоятельство, что при заключеніи этого договора Суздаль былъ за Иваномъ можайскимъ, само собой указываетъ на то, что договоръ заключенъ послѣ полученія княземъ можайскимъ Суздаля. Кстати замѣтимъ, что издатель «Древн. Росс. Вивл.» (изд. 2-е, I, № 56) эту грамоту относитъ, предположительно, къ 1453 г. По Карамзину (V, 187) Шемяка отдалъ Суздаль князю можайскому, но скоро взялъ его назадъ и по договору уступилъ внукамъ Кирдяпы какъ будто даже ранѣе, чѣмъ Василій опять занялъ Москву.

шелъ бесполезнымъ держать въ плѣну мать великаго князя и отпустилъ ее. Но что ему оставалось дѣлать? или безпріютно скитаться, или примириться съ великимъ княземъ, хотя бы и наружно только. Шемяка, а съ нимъ и кн. можайскій, рѣшились на послѣднее. Они обратились къ посредничеству Михаила Андреевича верейскаго и Василя Ярославича серпуховскаго, находившихся въ хорошихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, и заключили съ ними, такъ сказать, въ счетъ будущаго договора съ великимъ княземъ, перемиріе: «уговѣвъ Петрова говѣнья недѣлю», какъ сказано въ перемирномъ договорѣ, они цѣловали къ меньшей братіи своей крестъ на томъ, что будутъ бить челомъ великому князю, а послѣдній долженъ будетъ пожаловать ихъ — принять въ любовь и дать имъ отчины ихъ. Шемяка отказывался въ пользу великаго князя отъ Звенигорода и Вятки, отъ Углича, Ржева и Бѣжецкаго-Верха, а кн. можайскій — отъ Козельска, Алексина и Лисина. Кромѣ того, Шемяка и кн. можайскій должны были помириться съ Борисомъ тверскимъ, такъ какъ послѣдній былъ съ великимъ княземъ «одинъ человекъ». Наконецъ, они должны были возвратитъ взятые въ великокняжеской казнѣ договорныя грамоты, ярлыки и дефтери, возвратитъ полонъ и вообще все, пограбленное ими у великаго князя, его жены и матери, а также сдѣланныя на людей великаго князя кабалы. Мы видѣли уже, какъ нарушались подобныя обязательства не только по отношенію къ такимъ предметамъ, какъ полонъ, ярлыки и т. п., но и по отношенію къ самимъ договаривающимся лицамъ, къ ихъ личной безопасности. Неудивительно, поэтому, что Шемяка и кн. можайскій выговариваютъ себѣ въ перемирной грамотѣ право не ѣздить лично къ великому князю, пока на Москвѣ не будетъ митрополита, духовная власть котораго представляла болѣе ручательствъ въ безопасности, чѣмъ договоры ⁶⁷⁵).

Но Шемяка и послѣ мира не успокоился: вездѣ онъ заводилъ крaмолы, стараясь поселить въ народѣ нерасположеніе къ великому князю. Въ сношеніяхъ съ Новгородомъ онъ называлъ себя великимъ княземъ; сносился съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ можайскимъ, который, съ своей стороны, не старался даже скрывать этого отъ великаго князя: его послы говорили Василю, что если онъ не пожалуетъ Димитрія Юрьевича, то это будетъ значить, что онъ не жалуетъ и сго, кн. Ивана. Шемяка, кажется, просилъ у великаго князя чрезъ Ивана можайскаго возврата потерянныхъ имъ волостей. Вятку Василій, какъ мы видѣли, оставилъ за собой, а между тѣмъ Юрьевичъ возбуждалъ тамошнее населеніе противъ Москвы; по договору онъ не долженъ былъ сноситься съ ордой, доставлять

675) Ibid. № 67.

великому князю ордынскій выходъ, возвратити все пограбленное у великаго князя и другихъ членовъ его семейства, не препятствовать переходу отъ одного князя къ другому боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ вольнымъ, т. е. не лишать ихъ, при переходѣ, отчинъ ихъ. Ни одного изъ этихъ условій договора Шемяка не соблюдалъ. Наконецъ, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего, онъ держалъ тамъ своего тиуна Ватазина, къ которому посылалъ грамоты, а въ этихъ грамотахъ, которыя были перехвачены и доставлены великому князю, онъ приказывалъ Ватазину отклонять гражданъ отъ Василя. Послѣдній отдалъ это дѣло на судъ духовенства. Ростовскій, суздальскій, рязанскій, коломенскій и пермскій владыки отправили къ Шемякѣ въ высшей степени искусно для того времени составленное, убѣдительное и краснорѣчивое, но грозное посланіе. Между прочимъ, они указываютъ на примѣръ отца Шемяки, который какъ ни старался, «а княженія великаго никако же не досягль, *что ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начальства пошлюно*». Правда, Юрій добился великокняжескаго стола, но сколько посидѣлъ на немъ? И Василю (Косой) захотѣлъ великаго княженія «не отъ Божія же помощи, но отъ своей ему гордости и высокомысльства. . . И попустилъ ли ему всеильный Богъ? Ей, не попусти. . . » Затѣмъ посланіе переходитъ къ личнымъ дѣйствіямъ Шемяки, ставитъ ему въ вину поражение и взятіе Василя въ плѣнъ подъ Суздалемъ. Когда великій князь возвратился изъ плѣна, Шемяку «діаволь на него вооружилъ желаніемъ самоначальства, разбойнически, ноцетатствомъ изгонити его, на крестномъ цѣлованіи», и Шемяка «сотворилъ надъ нимъ не менши прежнего братоубійцы Каина и окааннаго Святополка. . . . и колико. . . . погосподарствовалъ и въ которой тишинѣ пожилъ. . . ? Не все ли въ суетѣ и въ прескаканыи отъ мѣста до мѣста, во дни отъ помышленія томимъ, а въ ноци отъ мечтаній сновидѣнія?» Затѣмъ посланіе приводитъ подлинныя статьи договора, изъ которыхъ Шемяка не соблюлъ ни одной, о чемъ мы только-что упоминали. Въ заключеніе пастыри церкви заявляютъ, что они, по своему долгу, били за Шемяку челомъ великому князю, который, вслѣдствіе того, изъявилъ согласіе на примиреніе и назначилъ срокъ для исполненія договора. Если Шемяка не исполнитъ послѣдняго, пастыри отлучатъ его отъ церкви Божіей, предавъ проклятію⁶⁷⁶). Но, не смотря на всю убѣдительность посланія и угрозы духовенства объ отлученіи отъ церкви, Шемяка не смирился, и Василю Васильевичъ выступилъ въ походъ къ Галичу. Онъ стоялъ еще въ Костромѣ, какъ Шемяка, не испугавшійся передъ тѣмъ церковнаго проклятія, теперь, «убоявся начатъ миру прошати, и крестъ на

676) Акты Ист. I, № 40.

томъ цѣловаль и грамоты на себя проклятые даль»: не хотѣтъ никакого лиха великому князю, его дѣтямъ и всему великому княженію; въ случаѣ неисполненія имъ этого договора, на немъ не будетъ милости Божіей и Богородицы, не будетъ молитвы чудотворцевъ Русской земли, митрополитовъ Петра и Алексія, епископа Леонтія, ростовскаго чудотворца, преп. Сергія и пр. Великій князь, давъ миръ Шемякѣ, на Ѳоминой недѣлѣ возвратился въ Москву⁶⁷⁷).

Въ концѣ **1448** г. митрополитъ чрезъ окружное посланіе увѣдомлялъ свою паству о примиреніи великаго князя съ Шемякой, не однажды измѣнявшимъ крестному цѣлованію; онъ приглашаетъ князей, бояръ и пановъ пощадить себя тѣлесно и особенно духовно: бить челомъ великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положить на сердце, — а въ противномъ случаѣ липааетъ ихъ благословенія и за ихъ окаменѣніе и неразуміе затворяетъ Божія церкви. Но весной **1449** г. Шемяка «преступилъ крестное цѣлованіе и проклятые грамоты на себе»: на Свѣтлое Воскресенье онъ подступилъ къ Костромѣ со многою силой, долго бился подъ городомъ, но взять послѣдняго не могъ, потому что въ Костромѣ была сильная застава (гарнизонъ): кн. Иванъ Васильевичъ Стрига и Ѳедоръ Басенокъ, а съ ними много дѣтей боярскихъ — дворъ великаго князя. Вскорѣ и самъ великій князь выступилъ въ походъ; его сопровождали: митрополитъ, епископы, нѣкоторые князья («братія его») и татарскіе царевичи. Подошедши къ Волгѣ, Василій отпустилъ впередъ «братію свою» и царевичей; тѣ пришли въ село Рудино, близъ Ярославля, куда прибылъ потомъ и самъ великій князь; Шемяка переправился на ихъ сторону «и вмалѣ не бысть межи има кровопролитія»; едва дѣло не дошло до бою, но все-таки его не было, можетъ быть, потому, что Иванъ Можайскій, бывшій и теперь съ Шемякой, помирился съ великимъ княземъ, и на этотъ разъ получилъ отъ него Бѣжецкій-Верхъ, который еще въ **1447** г. былъ ему данъ, но который потомъ, надобно полагать, былъ отобранъ у него, можетъ быть, вслѣдствіе какихъ-нибудь крамоль его. Шемяка ушелъ въ Галич⁶⁷⁸).

Димитрій Юрьевичъ, не смотря на послѣднія свои неудачи, все-таки не хотѣлъ еще отказаться отъ своихъ мечтаній на счетъ великокняжескаго достоинства, и, какъ видно, готовился къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ **1450** г., по нѣкоторымъ сказаніямъ, отчасти подтверждаемымъ и лѣтописями⁶⁷⁹), въ

677) П. С. Р. Л. VI, 178; VIII, 121; Никон. V, 214.

678) Акты Ист. I, № 43; П. С. Р. Л. IV, 131, 146; V, 269; Никон. V, 215.

679) Прологъ и мѣсяцесл. сентября 30; Амвросія «Ист. Іер.» V, 21—23; Щекатова «Геогр. слов.» III, 1191; «Нашествіе Шемяки на Вологду...» въ Волог. губ. вѣд. 1843, № 28.— Григорій названъ по р. Пельшмѣ, въ 37 в. на сѣверъ отъ Вологды; на этой рѣкѣ онъ основалъ общежительный монастырь во имя Собора Богоматери.

рождественскіе праздники, Шемяка напалъ на Вологду, городъ, который, какъ сказано въ житіи преп. Григорія Пельшемскаго, изъ котораго (житія) мы почерпаемъ это извѣстіе, «не силенъ тогда бѣше людьми . . . и воеводы тогда не бѣше въ немъ». Юрьевичъ свирѣпствовалъ здѣсь, какъ звѣрь. Услыхавши объ этомъ, преп. Григорій пришелъ въ Вологду и началъ обличать Шемяку въ пролитіи невинной крови; Юрьевичъ разсвирѣпѣлъ и приказалъ столкнуть преподобнаго съ моста въ городской ровъ. Григорій всталъ невредимымъ и опять продолжалъ свою обличительную рѣчь. Тогда Шемяка, безпокоймый какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, ушелъ обратно въ Галичъ. Въ лѣтописяхъ подь **1450** г. находимъ извѣстіе, что великій князь пошелъ на Димитрія Шемяку къ Галичу; но узнавши, что послѣдній пошелъ къ Вологдѣ, Василій и самъ направился къ этому городу. Когда онъ былъ у Николы на Обнорѣ, къ нему пришло извѣстіе, что Шемяка воротился въ Галичъ, куда направился и великій князь. Шемяка расположился около города на горѣ; городъ былъ укрѣпленъ и снабженъ пушками. Великій князь послалъ впередъ бывшихъ съ нимъ князей и воеводъ подь начальствомъ большаго воеводы, кн. Василія Оболенскаго; за ними шли и татарскіе подручные Москвѣ царевичи со всѣми ихъ князьями. Московскія рати пришли къ Галичу 27-го января. Оврагами, со стороны озера, стараясь быть незамѣченными, московскіе полки шли къ крутой, трудной для подъема горѣ, на которой, не трогаясь съ мѣста, стоялъ съ своими полками Шемяка. Какъ только москвичи стали подниматься на гору, съ городскихъ стѣнъ загудѣли пушки, тюфяки, пищали и самострѣлы. «Но ни во что же бысть се имъ!» Москвичи множество галичанъ положили на мѣстѣ; пѣшая рать Шемяки едва не вся истреблена; лучшихъ людей брали живьемъ; самъ Шемяка едва спасся бѣгствомъ, а городъ затворился. Узнавши о благополучномъ для него исходѣ боя, Василій подошелъ къ Галичу, который и сдался ему. «Градъ омиривъ и намѣстники своя посажавъ по всей отчинѣ той», Василій пошелъ въ обратный путь и прибылъ въ Москву на Масляной недѣлѣ. Между тѣмъ Шемяка пробрался въ Новгородъ⁶⁸⁰).

Года два послѣ этой битвы о Шемякѣ ничего не было слышно. Но зимой **1452** г. Василій Васильевичъ получилъ вѣсть, что онъ идетъ къ Устюгу. Отпраздновавши день Рождества Христова въ Москвѣ, Василій 1-го января выступилъ съ ратью къ Ярославлю, откуда послалъ противъ

680) П. С. Р. Л. IV, 131; V, 270; VI, 178—180; VIII, 122—123; Никон. V, 216—217; въ V, 269 и XV, 494—подь 1449 годомъ. Воевода кн. Оболенскій въ Софійской второй названъ Васильемъ Васильевичемъ, а въ Никоновской — Васильемъ Ивановичемъ.

Шемяки на р. Кокшенгу (впадающую въ Вагу) сына своего Ивана, а самъ продолжалъ путь на Кострому. Отсюда онъ послалъ на помощь сыну своему царевича Ягуба, а еще раньше того послалъ къ Устюгу кн. Василя Ярославича боровскаго, кн. Семена Ивановича Оболенскаго и Федора Басенка. Шемяка, пожегши Устюжскій посадъ, бѣжалъ отъ приближавшихся московскихъ полковъ. Такъ какъ на Кокшенгу еще прежде посланы были московскіе полки съ сыномъ великаго князя, а потомъ царевичъ Ягубъ, то Шемяка, вѣроятно, не будучи въ состояніи удержаться здѣсь, бѣжалъ опять въ Новгородъ⁶⁸¹).

Митрополитъ Иона писалъ новгородскому владыкѣ Евѡимію о томъ, чтобы онъ убѣдилъ Шемяку покориться великому князю, который, съ своей стороны, готовъ простить Юрьевича. Новгородцы, въ свою очередь, просили митрополита бить челомъ великому князю, чтобы онъ далъ опасныя грамоты для ихъ пословъ. Просьба ихъ была уважена съ тѣмъ, чтобы они отправили въ Москву своихъ пословъ по своимъ дѣламъ, а Шемяка чтобы прислалъ своего посла съ раскаяніемъ въ своихъ крамолахъ. Юрьевичъ, дѣйствительно, прислалъ боярина, но съ такими предложеніями, на которыя въ Москвѣ никакъ не могли согласиться. Митрополитъ жаловался новгородскому владыкѣ, что Шемяка присылаетъ свои грамоты «съ великою высостію», между тѣмъ какъ о раскаяніи въ своей винѣ ничего не говоритъ. Владыка Евѡимій оправдывалъ новгородское гостепрѣимство по отношенію къ Шемякѣ старымъ обычаемъ, а митрополитъ доказывалъ, что въ Новгородѣ ни одинъ князь не прѣзжалъ съ такимъ бременемъ преступленій, какъ Шемяка. Эта переписка владыкъ не привела ни къ чему. Но скоро дѣло само собой разрѣшилось. Іюня 23-го **1453** г., на канунѣ дня князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, великій князь слушалъ вечерню въ Борисоглѣбской церкви, что нынѣ у Арбатскихъ воротъ. Въ эту пору въ Москву пригналъ изъ Новгорода подъячій Василій Бѣда съ извѣстіемъ, что Димитрій Юрьевичъ, 17-го іюля (по другимъ 18-го), скончался и погребенъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Великій князь такъ обрадовался этому извѣстію, что пожаловалъ гонца чиномъ выше: «и бысть отголъ дякъ Василій Бѣда». Есть весьма вѣскія основанія думать, что Василій Васильевичъ былъ не безгрѣшенъ въ смерти Юрьевича: передавая о кончинѣ послѣдняго, одинъ изъ лѣтописей говорятъ, что онъ умеръ «напрасно» (т. е. не естественною смертію),

681) Ibid. VI, 179—180; VIII, 125; Никон. V, 221. Карамзинъ и Соловьевъ передаютъ рассказъ такъ, какъ будто Шемяка въ томъ же 1450 г. овладѣлъ Устюгомъ и свободно проживалъ тамъ потому, что Василій отвлеченъ былъ въ другую сторону. Но изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописей видно, что Шемяка пошелъ на Устюгъ только въ 1452 г. и что въ этомъ же году Василій узналъ о походѣ его и самъ выступилъ противъ Шемяки.

другія прямо передають, что онъ умеръ отъ отравы; есть даже извѣстіе, что изъ Москвы въ Новгородъ посланъ былъ дякъ Степанъ Бородатый, извѣстный въ то время знатокъ лѣтописей, который подговорилъ боярина Шемяки, Ивана Котова, а послѣдній княжескаго повара — дать Шемякѣ въ чемъ-нибудь отраву. Поваръ подаль къ обѣду напитанную ядомъ курицу, поѣвши которой Шемяка вскорѣ и скончался⁶⁸²).

Димитрій Юрьевичъ, какъ мы видѣли, еще въ **1436** г. собирался жениться на дочери Димитрія Васильевича, князя заозерскаго, которую нѣкоторые родословныя называютъ Софіей. Въ помянутомъ году онъ пріѣзжалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу, но былъ схваченъ, по приказанію Василія, и въ оковахъ отправленъ въ Коломну. Кромѣ этого извѣстія, лѣтописи ничего не говорятъ о его семейныхъ дѣлахъ. Онъ имѣлъ, кажется, единственнаго сына, Ивана Шемячича, который въ первый разъ упоминается (въ 1446 г.) въ договорной грамотѣ его отца съ Василюемъ и Федоромъ Юрьевичами, внуками Василія Кирдяпы, кн. суздальско-шуйскаго. На другой годъ по смерти отца, т. е. въ **1454** г., онъ съ матерью переѣхалъ изъ Новгорода въ Псковъ, гдѣ его приняли съ честью и подавали ему 20 рублей. Проживши въ Псковѣ три недѣли, 1-го мая того же года онъ отѣхалъ въ Литву, гдѣ получилъ отъ короля Казимира въ кормленіе Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Родословныя даютъ Ивану Димитріевичу четверыхъ сыновей: Семена, Владиміра, Ивана и Василія Шемячича, изъ которыхъ по нашимъ лѣтописямъ болѣе извѣстенъ послѣдній. Онъ, вслѣдствіе поднятаго въ Литвѣ гоненія на православныхъ, обратился къ великому князю московскому съ просьбой принять его въ подданство вмѣстѣ съ вотчинами, и въ **1500** г. былъ принятъ Иваномъ III, при преемникѣ котораго умеръ въ заточеніи, въ **1529** г.⁶⁸³).

682) Акты Ист. I, № 53; Акты Арх. Эксп. I, № 372; П. С. Р. Л. III, 141; IV, 126, 132, 215; V, 31, 271; VI, 180; VII, 226; Никон. V, 278; см. также статью Волог. губ. вѣд., указанную въ 679 прим. Въ Тверской лѣт., стр. 495, совершенно особнякомъ, находится, подъ 6961 г., извѣстіе о томъ, что Шемяка нападалъ 10 сентября на Кашинъ. Въ другихъ лѣтописяхъ ничего подобнаго не находимъ.

683) П. С. Р. Л. III, 199; IV, 215—216, 272; V, 31; VI, 45, 266, 281; VIII, 239, 270; Никон. V, 120, 161, 229.

Димитрій Юрьевичъ Красный.

1421 † 1441.

Младшій сынъ Юрія Димитріевича начинаетъ появляться на страницахъ лѣтописей одновременно съ среднимъ братомъ своимъ, Шемякой. Такъ, въ первый разъ онъ упоминается подъ **1433** г.: онъ участвовалъ въ походѣ отца и старшихъ братьевъ къ Москвѣ противъ великаго князя; ходилъ потомъ къ Костромѣ отыскивать бѣжавшаго съ бою Василя Васильевича. Когда Юрій Димитріевичъ занялъ великокняжескій столъ, но увидѣлъ, что ему не усидѣть на немъ, онъ рѣшился отказаться отъ великокняжескаго достоинства. По этому случаю между дядей и племянникомъ состоялся договоръ, въ которомъ на одной сторонѣ были братья Юрія, а на другой — только самъ Юрій съ меньшимъ сыномъ своимъ, за котораго онъ ручался въ соблюденіи статей договора. Затѣмъ, въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ (**1434** г.) отца и старшихъ братьевъ своихъ противъ великаго князя онъ также принималъ участіе. Когда Василий Васильевичъ находился въ Нижнемъ Новгородѣ, Юрій послалъ противъ него вмѣстѣ съ Шемякой и Краснаго. Мы уже видѣли, что братья были еще только во Владимірѣ, какъ къ нимъ пришло извѣстіе о смерти отца ихъ и занятіи великокняжескаго стола старшимъ братомъ ихъ, Василиемъ Косымъ; видѣли также, что младшіе Юрьевичи взяли сторону великаго князя Василя Васильевича и этимъ заставили Косаго бѣжать изъ Москвы. Въ вознагражденіе за такую услугу Василий далъ Красному Бѣжецкій-Верхъ⁶⁸⁴). Съ этихъ поръ Димитрій Красный не отставалъ отъ великаго князя; напротивъ, въ **1436** г. онъ участвовалъ въ походѣ Василя къ Костромѣ на брата своего Василя Косаго, а въ слѣдующемъ **1437** г., по приказанію великаго князя, былъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Шемякой въ неудачномъ походѣ къ Бѣлеву на хана Улу-Махмета⁶⁸⁵). Затѣмъ, до **1441** г., т. е. года смерти его, въ лѣтописяхъ ничего не говорится о младшемъ Юрьевичѣ. Димитрій Юрьевичъ скончался 22-го сентября какою-то странною смертью: на него напала глухота «и болячка въ немъ движется»; боль до того была тяжела, что онъ по нѣскольку дней и ночей оставался безъ сна и безъ пищи. Сентября 18-го онъ захотѣлъ приобщиться св. таинъ, но священникъ долго дождался въ сѣняхъ со св. дарами удоб-

684) Ibid. IV, 208; V, 28, 265—266; VI, 148—149; VIII, 98—99; Никон. V, 115 и сл.; С. г. и д. I, № 49—50.

685) Ibid. V, 267; VI, 150; VIII, 99, 107; Никон. V, 117—118, 124—125.

наго, для совершенія таинства, времени: у больнаго открылось сильное кровотеченіе изъ носу, «яко прутки течаху», какъ образно выражается лѣтопись; наконецъ, духовникъ заткнулъ ему ноздри бумажкой, и священникъ совершилъ таинство. Больной легъ въ постель, поѣлъ мясной и рыбной ухи, выпилъ вина и просилъ присутствующихъ оставить его, такъ какъ ему захотѣлось спать. Всѣ присутствовавшіе тутъ пошли къ какому-то Діонисію Ѳомину «ясти и пити у него». Вечеромъ одинъ изъ оставшихся при князѣ извѣстилъ духовника о предсмертной агоніи больнаго; духовникъ пришелъ и началъ пѣть канонъ на исходъ души, во время котораго князь скончался. Многіе, напившись меду, легли спать въ той же горницѣ, въ которой лежалъ покойникъ; не спалъ только діаконъ, не пившій меду и прилегшій противъ покойника на лавкѣ. Въ полночь покойникъ своими руками скинулъ съ головы своей покрывало и началъ читать одно мѣсто изъ свящ. писанія: «Петръ же, познавъ сего, яко Господинъ» и пр. Діаконъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, но, оправившись, разбудилъ спящихъ. Между тѣмъ, князь продолжалъ пѣть разныя церковныя пѣсни. Къ утру онъ стихъ и закрылъ глаза. Явился духовникъ съ запасными дарами; но такъ какъ князь не открывалъ глазъ, то духовникъ коснулся лжицей устъ его, и князь открылъ глаза и опять приобщился св. таинъ. Слѣдующіе два дня больной не переставалъ пѣть церковныя пѣсни; узнавалъ тѣхъ, которые обращались къ нему, и если послѣдніе о чемъ-нибудь спрашивали его, онъ давалъ совершенно здравые отвѣты. На третій день, послѣ послѣдняго принятія св. таинъ, Димитрій Юрьевичъ скончался. Это было, какъ уже сказано, 22-го сентября, въ самую обѣдню. Бояре послали въ Угличъ за Шемякой, который прибылъ уже на восьмой день по смерти брата. Отпѣвши тѣло покойника, положили его въ колоду, осмолили и на носилкахъ понесли въ Москву (дорогой два раза роняли съ носилокъ), куда прибыли 14-го октября и, по совершеніи обычныхъ церковныхъ церемоній, похоронили у Архангела Михаила. Когда, послѣ отпѣванія, вскрыли колоду, чтобы переложить тѣло покойника въ гробъ, то нашли, что внѣшній видъ тѣла покойнаго совсѣмъ не отличается отъ вида спящаго человѣка⁶⁸⁶).

Димитрій Юрьевичъ Красный женатъ не былъ.

Мы уже говорили, что по духовному завѣщанію Юрія, писанному за-долго до смерти послѣдняго, Галичъ предназначался Димитрію Красному; но изъ договорныхъ грамотъ Василя Васильевича съ Шемякой видимъ, что было другое духовное завѣщаніе Юрія, по которому Галичъ данъ былъ Шемякѣ. Изъ тѣхъ же договорныхъ грамотъ узнаемъ, что младшіе Юрье-

686) Ibid. V, 267; VI, 170; VIII, 109—111; Никон. V, 150 и сл.

вичи сами дѣлили между собой отчину, но ихъ «дѣловыя грамоты» до насъ не дошли, — а между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что Красный постоянно живетъ въ Галичѣ, въ немъ же и умираетъ; Шемяка же живетъ въ Угличѣ. Отсюда мы за несомнѣнное полагаемъ, что — по крайней мѣрѣ послѣ того, какъ Косой устраненъ былъ отъ отчины — Галичъ былъ въ рукахъ Димитрія Краснаго до самой его смерти, т. е. до **1441** г., а потомъ перешель къ Димитрію Шемякѣ.

Послѣ битвы **1450** г. подъ Галичемъ, послѣ которой Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, Василій оставилъ въ Галичѣ своихъ намѣстниковъ, и съ тѣхъ поръ Галичъ уже не отдѣлялся отъ непосредственныхъ владѣній великаго князя московскаго: изъ договоровъ Василя Темнаго съ Василюмъ Ярославичемъ боровско-серпуховскимъ видно, что онъ былъ за великимъ княземъ; Василій Темный, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, въ числѣ другихъ многочисленныхъ городовъ, отдаетъ Галичъ старшему сыну Ивану, будущему великому князю, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, отдаетъ его своему наслѣднику, Василю ⁶⁸⁷).

Такимъ образомъ, существованіе Галицкаго княжества прекратилось въ самой серединѣ XV вѣка.